

ЭНОЛА ХОЛМС

ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

Нэнси
Спрингер

ЭНОЛА ХОЛМС

и
загадка розового веера

НЭНСИ СПРИНГЕР

Меня зовут Энола Холмс. Вы наверняка читали о приключениях моего старшего брата Шерлока Холмса. Я тоже распутываю загадки и ишу потерянное, но оказалось, я умею замечать мелочи, которыми пренебрегает мой брат. Мелочи, принадлежащие миру женщин и уже не раз приводившие меня к успеху в расследованиях. И это моё тайное оружие.

Для незаметного общения с поклонниками дамы высшего света используют язык веера. Знать этот язык считается хорошим тоном, но всё равно Энола удивилась, когда модно одетая девушка с помощью своего веера попросила её о помощи. Кто она такая, почему не может говорить в открытую? Энола должна разобраться!

Энола и не подозревала, что влезает в авантюру, где тесно переплелось высшее общество, сиротский приют, кебмены и новое расследование Шерлока Холмса...

КНИГИ СЕРИИ ДВАЖДЫ НАГРАЖДЕНЫ ПРЕМИЕЙ
ИМЕНИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
ЗА ЛУЧШИЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ!

ЭНОЛА
ХОЛМС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**1. Энола Холмс
и маркиз в мышеловке**

**2. Энола Холмс
и секрет серой печати**

**3. Энола Холмс
и таинственные букеты**

**4. Энола Холмс
и загадка розового веера**

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЭНОЛА ХОЛМС

и
загадка розового веера

#эксмодетство

Москва
2019

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С74

Nancy Springer
ENOLA HOLMES MYSTERY #4:
THE CASE OF THE PECULIAR PINK FAN
Copyright © Nancy Springer, 2008
Иллюстрация на обложке *Алексея Вайнера*

Спрингер, Нэнси.

С74   Энולה Холмс и загадка розового веера : повесть /
Нэнси Спрингер ; [пер. с англ. А. Тихоновой]. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100333-3

Энола встречала не так уж много девушек, с кото-
рыми хотела бы подружиться, но с Сесилией она сразу
почувствовала родство душ. Поэтому, когда Энולה по-
лучила от подружки отчаянную просьбу о спасении, пер-
вая девушка-детектив решила, что готова на всё, лишь
бы её выручить.

Теперь Энולה должна не только позвать на помощь
своего брата, знаменитого Шерлока Холмса, но и риск-
нуть собственной свободой. Успеют ли они спасти Се-
силию?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тихонова А., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100333-3

Посвящается моей матери

Март 1889

— ПРОШЛО БОЛЬШЕ ВОСЬМИ МЕСЯЦЕВ с тех пор, как девчонка пропала...

— У «девчонки» есть имя, любезный Майкрофт, — вмешался Шерлок, стараясь все же не грубить брату, к которому пришел в гости на ужин. Майкрофт, несмотря на свое затворничество, знал толк в гостеприимстве: он дождался, пока уберут тарелки с мясным пирогом под соусом из смородины, и лишь тогда завел разговор на болезненную тему — об их младшей сестре Эноле Холмс. — Энола. И, к сожалению, она не просто «пропала», — добавил Шерлок тихим, почти капризным голосом. — Она взбунтовалась и сбежала, а теперь успешно от нас скрывается.

— Однако это не все, чего она доби-
лась, — хмуро ответил Майкрофт и, грузно
приподнявшись со стула, потянулся за сте-
клянным графином.

Шерлок понял, что брат хочет сказать
что-то важное, и молча дождался, пока
Майкрофт наполнит бокалы превосход-
ным напитком, благодаря которому их раз-
говор казался более или менее терпимым.
Они оба ослабили высокие накрахмален-
ные воротники и черные галстуки.

Потягивая вино, Майкрофт продолжил
своим нудным, раздражающим голосом:

— За прошедшие восемь месяцев она
нашла трех пропавших без вести человек
и сдала в руки закона трех опасных пре-
ступников.

— Да, я в курсе, — признал Шерлок. —
И что с того?

— Ты что, не понимаешь, какая трево-
жная вырисовывается картина?

— Не вижу в ней ничего тревожного.
Это всего лишь совпадения. На дело мар-
киза Бэйзилвезерского она наткнулась слу-
чайно. А леди Сесилию Алистер встретила,

когда раздавала нищим хлеб и теплую одежду в образе сестры милосердия. И...

— ...И имя похитителя узналось как-то само собой?

Шерлок опустил взгляд, не потрудившись ответить на едкое замечание Майкрофта.

— Я собирался добавить касательно исчезновения моего друга Ватсона: если бы он не был связан со мной — разве Энола взялась бы за его поиски?

— Откуда тебе знать, почему она пыталась отыскать Ватсона? Ты ведь до сих пор не знаешь, как она его нашла!

— Да, — кивнул Шерлок Холмс, — не знаю. — Отчасти благодаря хорошо выдержанному портвейну, согревающему душу, отчасти из-за определенных событий и того, как много прошло времени, детектива больше не огорчали и не тревожили мысли о сбежавшей сестре. — Не в первый раз она меня перехитрила, — чуть ли не с гордостью добавил он.

— Ну-ну! А какая, скажи на милость, ей будет польза от этой дерзости и хитрости, когда она вырастет?

— Полагаю, что никакая. Но не забывай, что Энола — дочь суффражистки, а яблочко от яблони недалеко падает. Впрочем, теперь я могу за нее не беспокоиться. Она вполне способна сама о себе позаботиться.

Майкрофт отмахнулся от его слов, будто от надоедливой насекомого:

— Не это главное. Меня страшит будущее девочки, а не ее непосредственное выживание. Что с ней станет через несколько лет? Ни один достойный джентльмен не обручится с дерзкой и независимой девушкой, которая к тому же интересуется преступным миром!

— Ей всего четырнадцать, Майкрофт, — терпеливо возразил Шерлок. — Она перестанет носить у груди кинжал, когда повзрослеет.

Майкрофт вскинул кустистые брови:

— Ты всерьез считаешь, что со временем она начнет соответствовать ожиданиям приличного общества? Ты, бунтарь, который отказался осваивать признанные профессии и изобрел свою собственную?! Ты, с твоим неслыханным образом жизни?!

Первый и единственный частный консультирующий детектив скептически покачал головой:

— Она женского пола, мой любезный Майкрофт, и ее природа диктует ей стремление к созданию домашнего очага, семьи, потомства. Стоит Эноле созреть, как она...

— Ха! Чушь! — ядовито выплюнул Майкрофт. — Не говори, что действительно веришь, что наша непослушная сестра найдет себе мужа и обоснуется в семейном гнездышке!

— А ты что, предполагаешь, что она надеется построить карьеру сыщика, который занимается поисками без вести пропавших и поимкой злодеев? — парировал Шерлок, слегка задетый тем, что его рассуждения окрестили «чушью».

— Вполне возможно.

— Ты правда думаешь, что она хочет открыть свою контору? Стать мне соперницей? — Он хмыкнул. Раздражение Шерлока улеглось: сейчас беседа казалась ему забавной.

— Я бы не удивился, — спокойно ответил Майкрофт.

— А потом скажешь, что она начнет курить сигары! — воскликнул Шерлок Холмс и от души рассмеялся. — Неужели ты забыл, что наша сестра — всего лишь одинокий, оставленный матерью ребенок? Она не способна так широко мыслить. Вздор, мой любезный Майкрофт, сущий вздор!

Глава первая

Пока что к доктору Рагостину обратились только крепкая и приземистая пожилая вдова, потерявшая своего декоративного песика; нервная леди, у которой пропал подаренный мужем рубин в форме сердца; и армейский генерал, который пожаловался на таинственное исчезновение своего драгоценного трофея с Крымской войны, а именно — изрешечённой пулями кости от ампутированной ноги с автографом военного врача, отрезавшего эту самую ногу.

Какие пустяки! Мне следовало бы заниматься тем, что действительно важно, — искать маму. Я знала, что она путешествует с цыганами, и обещала себе, что весной от-

правляюсь на ее поиски — не с целью осудить или сдать братьям, а чтобы воссоединиться с... с «ампутированным» членом семьи, скажем так.

Однако на дворе стоял май, а я и пальцем не пошевелинула, чтобы выяснить, где сейчас мама, и единственным моим оправданием были дела, которые удерживали меня в Лондоне.

Дела? Комнатная собачка, камень в огранке и кость?

«Клиенты есть клиенты», — строго сказала я себе. Разумеется, они не обязаны (и не могли) встречаться с блистательным (и воображаемым) доктором Рагостином лично. Вместо этого их принимала «мисс Лиана Месхол», верная помощница ученого. Именно она вернула благодарной вдове ее питомца — очаровательного кудрявого спаниеля, которого выкрала у печально известного дельца, торгующего краденными породистыми собаками. Именно она отправила маленького слугу на липу за окном леди, чтобы он забрал из гнезда сороки пропавший рубин. (Конечно, я бы с легкостью и сама туда вскарабкалась,

и, честное слово, мне даже хотелось немного полазать по деревьям, но кошмарные правила приличия не позволяли!) Что касается трофейной ноги генерала, Лиана Месхол напала на ее след, но в результате отвлеклась на другое, куда более заманчивое и, как выяснилось, срочное дело.

Неловко признавать, что судьбоносная встреча произошла в одном заведении на Оксфорд-стрит, которое часто посещали благородные дамы, когда прогуливались по дорогому торговому району, но о котором предпочитали не упоминать, — в первой Общественной дамской комнате Лондона.

Возможность воспользоваться сим великолепным новшеством, тактично признающим тот факт, что леди из хороших семей больше не проводят дни дома, в непосредственной близости от собственной уборной, оценивалась всего в пенни — и оно того стоило, когда приходила нужда (хотя за ту же сумму любой ребенок из Ист-Энда мог получить и хлеб, и молоко, и одно занятие по грамматике). Необходимость оплачивать вход обеспечивала уверенность в том, что заведение будут посе-

щать по большей части дамы благородные, даже если время от времени в него нет-нет да и заглянет трудолюбивая девушка из тех, что сами зарабатывают себе на жизнь, вроде Лианы Месхол с ее накладными кудрями и в модном, но дешевом платье, не сделанном на заказ, а купленном в магазине готовой одежды.

Однако в тот день я замаскировалась не под несколько вульгарную Лиану Месхол. Так вышло, что расследование привело меня в район Британского музея — куда, к сожалению, частенько захаживали оба моих брата, — и потому я переоделась в ученую даму: убрала свои тонкие волосы в скромный пучок и скрыла узкое землисто-бледное лицо за очками в оправе из черного дерева. Благодаря им мой довольно крупный нос казался не таким выдающимся, а на меня саму никто не обращал внимания, поскольку ни одна модная леди не позволила бы себе ходить в очках. В платье из качественной, но темной и плотной шерстяной ткани, а также в подобающе невзрачной шляпке я зашла в Общественную дамскую комнату,

чтобы немного отдохнуть и посидеть на коричневом кожаном диване в уютном зале, где пол и стены были выложены плиткой под мрамор и куда за мной не могли последовать ни Шерлок, ни Майкрофт.

День у меня тогда выдался напряженный — ученых женского пола мужская часть населения Лондона не жалуется, — зато лишнего внимания я не привлекала: заглянуть в прохладный зал Общественной дамской комнаты и перевести дух в блаженной тени после утомительных походов по магазинам перед тем, как вернуться на пыльные и душные улицы, было делом обычным.

Прозвенел колокольчик, и служанка поспешила открыть дверь троице посетительниц. Они прошли совсем рядом со мной, поскольку я занимала диванчик у самого входа. Само собой, взгляда от газеты я не оторвала и, признаюсь, даже не проявила бы к ним никакого интереса, если бы не почувствовала в первую же секунду что-то неладное, а именно — сильное напряжение между всеми тремя.

Я слышала, как шуршат шелковые нижние юбки, и больше ничего. Дамы не разговаривали друг с другом.

Мне стало любопытно, в чем дело, и я подняла глаза (но не голову, поскольку разглядывать других в открытую в высшей степени некрасиво), однако по их спинам мало что можно было понять.

Две солидные дамы в богатых нарядах с длинными пышными юбками держались по бокам от более юной — стройной леди, одетой по последней парижской моде (в самом деле, тогда я впервые увидела «хромую» юбку не на манекене в универсальном магазине, а на живом человеке). Объемные банты лимонного цвета тянулись за подолом, будто шлейф, а саму желто-зеленую юбку более темного оттенка стягивал невидимый шнурок, создавая подобие второй талии на уровне колен. Остаток ткани топорщился во все стороны, образуя «колокол» в оборках, который полностью закрывал ступни; рюши на платье почти не шевелились при ходьбе, поскольку девушка могла шагнуть не более чем на десять дюймов. Я поморщилась,

увидев, как она неловко ковыляет в этом безобразии: ведь в моих глазах ее худощавая фигура, хотя и не соответствовала идеалу — то есть не напоминала по форме песочные часы, — была очаровательна, и одеть ее в платье с громадной «хромой» юбкой было все равно что стянуть путами ноги оленя. Здравый смысл часто становился жертвой моды — кринолины и турнюры тому пример, — но эта девушка, очевидно, совершенно потеряла голову, раз приобрела себе наряд, в котором положительно невозможно ходить!

Когда троица подошла ко входу во внутренний зал дамской комнаты, девушка остановилась.

— Идем, дитя, — приказала одна из матрон.

Обладательница «хромой» юбки-колокола ничего ей не ответила и в не самой изящной манере уселась в одно из кресел. Можно сказать, она прямо плюхнулась, чуть не потеряв равновесие, на темное кожаное сиденье в дальнем конце зала.

Когда девушка повернулась ко мне лицом, я чуть не ахнула от удивления — ведь

она была мне знакома! Ошибки быть не могло — в памяти надежно отложились наши приключения, мои сестринские чувства к ней, необъятный ужас, охвативший меня, когда на нее напал душитель; ее умные, деликатные черты завораживали меня, словно пассы гипнотизера. Это была дочь баронета, левша, которую я однажды вызволила из рук лицемерного обманщика, — достопочтенная Сесилия Алистер.

Однако ее спутниц я не узнавала. Где же мать Сесилии, обворожительная леди Теодора?

Что до самой Сесилии... Когда я встретила с ней впервые холодной зимней ночью, она предстала передо мной голодной, замерзшей оборванкой с потухшим взглядом, однако сейчас ее внешний вид внушал куда большую тревогу. Лицо совершенно осунулось, и его не покидало выражение отчаяния. Она смотрела на нависших над нею дам, поджав пухлые губы, стиснув зубы и нахмутив брови, и в глазах ее пылала непокорность.

— Извольте встать, юная леди, — произнесла одна из дам властным голосом,

который выдавал в ней старшую родственницу — вероятно, бабушку или тетушку. — Вы идете с нами. — Она подхватила Сесилию за локоть, а вторая матрона взялась за девушку с другого бока.

К тому времени я уже наблюдала за ними в открытую, подняв голову. К счастью, обе гарпии смотрели в другую сторону — все их внимание было сосредоточено на шестнадцатилетней девушке, не желающей вставать с кресла.

— Вы меня не заставите, — проговорила Сесилия низким голосом и еще глубже утонула в мягких подушках, смяв желто-зеленые украшения на платье. Она опустила голову и так вжалась в кресло, что матронам пришлось бы приложить все силы, чтобы ее оттуда вытянуть. Конечно, леди Сесилия не сдалась бы без боя и наверняка оказала бы значительное сопротивление, однако я не сомневалась, что ее спутниц останавливало вовсе не это, а присутствие посторонних — то есть мое: они встревоженно огляделись по сторонам, очевидно проверяя, есть ли поблизости лишние свидетели. Я поспешно опустила взгляд на

свою газету, но матрон было не так легко обвести вокруг пальца.

— Что ж, — сухо произнесла одна из них, — полагаю, мы вынуждены ходить по очереди.

— Ты иди первой, — ответила вторая. — Я останусь с ней.

Первая удалилась в основное помещение уборной, и когда дверь за ней захлопнулась, я снова подняла взгляд. Вторая дама сидела в кресле возле Сесилии, и ровно в ту секунду, когда ее внимание отвлекли шторы из тяжелой шелковой ткани, леди Сесилия вскинула подбородок и, подобно узнику, который хватается за любую возможность сбежать, посмотрела прямо на меня. И моментально меня узнала. Даже несмотря на то что мы встречались лишь однажды — в ту роковую ночь, когда ее чуть не погубил лицемерный душитель, — она поняла, кто я. Наши взгляды внезапно встретились — и показалось, будто некто невидимый хлестнул по воздуху плетью и во все стороны с треском разлетелись искры. Сесилия тут же опустила голову — несомненно, надеясь

скрыть от надсмотрщицы свои округлившиеся глаза.

Я, в свою очередь, уставилась в газету, гадая, запомнила ли леди Сесилия мое имя, которое я столь необдуманно и неосмотрительно ей раскрыла: Энола Холмс.

К этой несчастной девушке, дочери баронета с раздвоением личности, художнице-левше, сочувствующей бедным и с удивительным мастерством запечатлевшей их незавидную долю углем на бумаге, печальному гению, вынужденному носить маску покладистой правши перед благородным обществом, я относилась как к сестре. Однако я знала о ней куда больше, чем она обо мне; должно быть, в ту кошмарную ночь я представилась ей чуть ли не призрак, загадочной незнакомкой в черном балахоне, и, встретившись со мной при свете дня, она не могла поверить своим глазам. Какой бы ни была постигшая ее беда, леди Сесилия, вероятно, надеялась, что я помогу ей и на этот раз.

Что же ее терзало? Я отложила газету, сделав вид, будто она мне наскучила, и задумалась над тем, что могли означать отча-

яние в темных глазах Сесилии, ее бледное и изможденное лицо и потерявшие блеск золотисто-каштановые волосы, убранные под простенькую соломенную шляпку-канотье.

Я вновь украдкой на нее взглянула и обнаружила, что она взяла в руку веер. Причем веер крайне любопытный, пошлого конфетно-розового цвета, который никак не сочетался с лимонно-желтыми бантами, лаймово-зеленой юбкой, кремовыми лайковыми перчатками и бежевыми сапожками. Мало того — в то время как дорогая новая юбка была сшита из тонкой, изысканной шелковой ткани, мягкой, как сливочное масло, веер был изготовлен из простой бумаги, приклеенной к непримечательным деревянным пластинам, и украшен скучными розовыми перьями.

Надзирательница неодобрительно покосилась на веер и проворчала:

— Боюсь, мне никогда не понять, почему ты так настаиваешь на том, чтобы таскать с собой это уродство, когда у тебя есть чудесный веер, который я тебе подарила. Кремовый шелковый экран, пла-

стины из слоновой кости с вырезанными на них узорами, накладка из игольного кружева — неужели ты про него забыла?

Не удостоив ее ответом, леди Сесилия раскрыла свой розовый веер и принялась им обмахиваться. Я обратила внимание, что она держит его левой рукой — важная деталь: все же она предпочла быть собой и не поддаваться требованиям общества. Кроме того, веер слегка загораживал лицо девушки от сидящей рядом гарпии, хотя это был и очень хрупкий барьер. Прикрывшись им, леди Сесилия снова встретилась со мной глазами — и в тот же момент как будто случайно постучала веером по лбу.

Я сразу поняла, что это значит «Будьте внимательнее. За нами наблюдают». Язык вееров изобрели юные влюбленные, чтобы переговариваться под строгим присмотром своих покровителей, и хотя у меня в жизни еще не было — да и не ожидалось — любовных приключений, в дни невинного детства в Фернделл-холле, когда мы жили там с матерью, она обучала меня этому языку и он удивительным образом меня завораживал.

Я тяжело вздохнула, как будто от духоты и от усталости, и потянулась достать из большого кармана под верхним платьем свой собственный веер, который носила с собой не ради красоты и не ради заигрываний, а исключительно для того, чтобы обмахиваться им в жару. Он был непримечательным, но приятным глазу, с экраном из коричневого батиста. Я раскрыла его достаточно широко — более чем наполовину, — чтобы показать свои дружеские намерения.

Тут вернулась первая дама, и вторая поднялась с кресла, чтобы, в свою очередь, отправиться в уборную. Леди Сесилия воспользовалась моментом и принялась возбужденно обмахиваться веером, что означало тревогу и напряжение.

Я же коснулась веером правой щеки, говоря тем самым, что да, я понимаю: что-то не так.

— Пользуйся правой рукой, — строго приказала первая гарпия, усаживаясь в кресло. — И убери, ради бога, эту нелепую игрушку.

Сесилия замерла, но не подчинилась.

— Убери, я сказала, — повторила ее... поработительница? Похоже, именно такую роль играла жестокая дама.

— Нет, — ответила леди Сесилия. — Он меня развлекает.

— Нет?! — угрожающим голосом переспросила дама, но тут же сменила тон: — Что ж, хорошо, в этом я могу тебе уступить — но только в этом!

Она продолжила мрачно о чем-то вещать, но так тихо, что я ничего не могла слышать. Ее широкая талия была нещадно затянута в корсет, из-за чего дама почти не могла пошевелиться и сидела так, словно в спину ей вставили железный штырь; я видела только ее профиль, и хотя со стороны казалось, будто я лениво обмахиваюсь веером, на самом деле каждая клеточка моего тела была напряжена до предела, как у охотничьей собаки, напавшей на след. Я внимательно изучала строгую покровительницу леди Сесилии, стараясь запечатлеть в памяти ее лицо, и внезапно осознала, как мало она отличается от той, второй; у обеих были на удивление изящные черты, которые странно выглядели

на их раздобревших лицах: изогнутые аккуратные брови, миниатюрные курносые носы, тонкие губы. В самом деле, они были настолько похожи, что в них можно было заподозрить сестер-близнецов. Единственным отличием, которое мне удалось заметить, была легкая седина, едва тронувшая спрятанные под шляпкой волосы — шляпкой, к слову, настолько перекрученной, что желтые цветки кандыка¹ сбились не над, а под ее полями.

— ...даже если на это уйдет весь день. — Она повысила голос, видимо, разгорячившись. — Тебе необходимо платье в приданое, и мы его найдем.

— Вы не заставите меня его надеть, — отозвалась леди Сесилия.

— Это мы еще посмотрим. Идем, — добавила она, когда вторая матрона вышла в зал и приподняла зонтик, показывая, что готова выдвигаться.

Сесилия молча встала и поднесла раскрытый веер к лицу. Подобный жест пред-

---

¹ Кандык американский — растение с мелкими ярко-желтыми цветками. (Здесь и далее примечания переводчика.)

назначался для ободрения застенчивого ухажера и переводился как «Подойдите же ко мне!». Однако при нынешних обстоятельствах розовый веер, едва прикрывающий темные глаза, взирающие на меня с мольбой, означал... что?

Не оставляйте меня.

Помогите.

«С радостью», — подумала я и снова коснулась веером правой щеки, выражая согласие. Вот только чем я могла ей помочь?

Спасите меня.

От чего?

— Убери же наконец эту безделушку!

Сесилия опустила руку с веером, а гарпии снова взяли ее в тиски и повели к выходу. Я сидела у двери, с сонным видом обмахиваясь веером, но сердце тревожно колотилось. Сесилия взяла веер за петельку на рукоятке и накрутила ее на палец — очередной сигнал об опасности: «Будьте осторожны. За нами наблюдают».

То есть она просила меня не подавать виду, что мне небезразлична ее судьба. Я отстраненно уставилась на уродливый натюрморт в позолоченной рамке, вися-

щий на стене напротив, а про себя подумала, что вот сейчас они выйдут, а я последую за ними и выясню, куда...

Вдруг раздался глухой звук удара, и боковым зрением я заметила зеленое пятно — это леди Сесилия споткнулась о подол своей нелепой юбки и чуть не рухнула прямо на меня. Хмурые надзирательницы тут же ее подхватили и вывели на улицу, даже не извинившись.

Если бы они удостоили меня хоть взглядом, то, возможно, увидели бы, что бумажный розовый веер остался лежать подле меня на диване.

Глава вторая

КАК ТОЛЬКО ЗА СЕСИЛИЕЙ И ЕЕ ГРОЗНЫМИ надзирательницами закрылась дверь, я поднялась и убрала оба веера в карман платья. Мне необходимо было проследить за ней и выяснить, какая беда ей угрожает и как я могу помочь, однако спешить было нельзя — матроны заметили бы, что их преследуют. Из этих соображений я для начала запрыгнула с ногами на диван и встала на цыпочки, чтобы выглянуть в высокое окно. Толстая оконная рама в форме ромба загромождала мне вид, но я различила троицу, направляющуюся к стоянке наемных экипажей.

Спустившись на пол, я обнаружила, что за мной, разинув рот, наблюдает служанка.

Я приложила палец к губам и протянула ей шиллинг за молчание. Это совсем ненадолго меня задержало, хоть и казалось, будто секунды утекают стремительнее некуда; я поспешно надела перчатки и выбежала из Общественной дамской комнаты. К счастью, я как раз успела увидеть, как девушку в желто-зеленой «хромой» юбке сажают в четырехколесный экипаж две ее спутницы. Я посмотрела на номер кеба и направилась к стоянке, чтобы сесть в другой экипаж и последовать за ними...

До стоянки я не дошла.

Так вышло, что именно в этот, самый неподходящий, момент, когда мысли мои были заняты леди Сесилией, я неожиданно столкнулась нос к носу со своим братом.

Самым старшим, дородным братом. Майкрофтом.

Мы буквально врезались друг в друга, и, похоже, эта внезапная встреча потрясла нас обоих. Кажется, я закричала. Он как будто ухнул, словно его изо всех сил ударили под дых, прямо в бархатный жилет

с красивым тиснением, явно сделанным с помощью специальных штампов. Все произошло так быстро, что я уже не вспомню, кто отреагировал первым — схватил ли он меня за локоть прежде, чем я пнула его в голень, или наоборот, — помню только, что я извивалась как уж, а потом наступила каблуком на его тонкий начищенный до блеска кожаный ботинок и мне удалось вырваться и спастись, не прибегнув к помощи кинжала.

Будь это Шерлок, я могла бы уже навсегда попрощаться со свободой, но убежать от Майкрофта оказалось во много раз проще. Всего через несколько секунд он тяжело запыхтел и громко крикнул:

— Остановите ее!

В тот же момент я завизжала:

— Этот негодяй меня трогал!

Столь суровое обвинение не могло не возмутить прохожих, и все набросились на него с криками. Тем временем я, оглябая юбки дам и юркая под локти джентльменов, выбежала из толпы и скрылась все в той же Общественной дамской комнате,

объяснив охраннику у входа, что кое-что там забыла. В основном помещении я обнаружила служанку, которая распыляла ароматную туалетную воду из флакончика, пытаясь заглушить неизбежную вонь.

— Исчезните! — чуть ли не рывкнула я, и она тут же вышла в зал.

К тому моменту, как, предположительно, Майкрофт объяснился с толпой и вызвал констебля, я уже выбралась в окно с другой стороны здания в новом обличе. Без шляпки, перчаток и очков я уже не походила на женщину-ученого, и вид у меня был не такой унылый, как у этих несчастных созданий — а все благодаря цветистой шали с индийским узором, которую я хранила в подкладке на грудь как раз для подобных случаев (а еще для того, чтобы зрительно увеличить бюст). Я всегда носила с собой уйму полезных вещей. Без перчаток и в шали, которая покрывала голову и свисала чуть ли не до земли, я выглядела вполне богемно. В таком виде я спустилась в метро и без приключений добралась до конторы «доктора Рагостина».

* * *

Никто из слуг не видел, как я вошла, поскольку я и не думала возвращаться в контору через парадный вход. Вместо этого я нажала на один из завитков в деревянном орнаменте, который походил на глазурь, стекающую по коричневому, как имбирное печенье, каменному фасаду здания, обошла дом сбоку, открыла секретную дверь и проскользнула в тайную комнату — личный кабинет «доктора Рагостина». Мне очень повезло, что до меня здание снимал один медиум (точнее, преступник, но это совсем другая история¹), который проводил здесь спиритические сеансы — отсюда дверь за книжным шкафом и потайная комнатка, где теперь хранились мои костюмы.

Я отбросила в сторону богемную шаль, включила газовые лампы, плюхнулась на диван, обитый ситцем в цветочек, и нахмурилась.

Я страшно на себя сердилась. Будь я на чеку, прими я необходимые меры пре-

---

¹ Которая рассказывается в книге Нэнси Спрингер «Энола Холмс и маркиз в мышеловке».

досторожности — казуса с Майкрофтом никогда бы не произошло. Мало того что я опозорилась (сил радоваться тому, что и он был опозорен, у меня пока не было), так еще и упустила возможность проследить за леди Сесилией и выяснить, какая новая опасность ей угрожает. Когда я столкнулась с братом, у меня из головы вылетел даже номер кеба, на котором ее увезли, и не осталось ни единой зацепки — кроме разве что загадочного веера. Право, если бы не этот конфетно-розовый трофей, я бы решила, что вся эта история мне приснилась!

Я поднесла веер к свету и внимательно рассмотрела. Затем, выудив из подкладки на грудь лупу, изучила каждый дюйм под увеличительным стеклом, надеясь отыскать знак или послание, — но скучные деревянные пластины без каких-либо царапин или карандашных пометок и простая розовая бумага, не запятнанная ничем, кроме бледного шахматного узора из водяных знаков, словно насмеялись надо мной. Как и покрытые пухом перья, явно вырванные у обычной домашней утки

и выкрашенные в розовый. Зазубрин на черенках не обнаружилось, между пластинами и экраном ничего не было спрятано, потайного отделения не предусмотрено — в общем, ровным счетом ничего интересного.

Пропади все пропадом! Ведь если бы не...

Проклятый Майкрофт! Чтобы этим братьям пусто было!

Все еще пылая негодованием, я переместилась за большой письменный стол из красного дерева, взяла бумагу и карандаш и карикатурно изобразила Майкрофта — каким он выглядел в тот момент, когда узнал меня: удивленный, застигнутый врасплох, со вскинутыми кустистыми бровями — словно чуть не наступил на крысу, внезапно пробежавшую под ногами. Слегка выпустив пар, я взяла следующий листок и задумчиво принялась рисовать леди Сесилию в «хромой» юбке. Когда меня охватывали сомнения, печаль или растерянность, я частенько прибегала к рисованию, и мне всегда это помогало.

Леди Сесилию совершенно точно не назовешь жертвой моды. Почему же она вырядилась в это неудобное платье?

Пока я водила карандашом по бумаге, мне вспомнилась ее простенькая соломенная шляпка.

Как так вышло, что наряд на ней был самый модный, а шляпка — скучная и нестильная?

Я перешла к портретам и набросала ее лицо в профиль, а затем анфас.

Прическа у леди Сесилии тоже не отвечала последним веяниям — волосы убраны назад и уложены просто, без затей. Если бы ее заботил внешний вид, она бы по крайней мере отрезала себе челку, чтобы зрительно уменьшить слишком высокий лоб. Право слово, она отчасти напоминала Алису в Стране чудес. Иллюстрации Джона Тенниела¹ были, несомненно, бесподобны, однако книги Льюиса Кэрролла меня все равно не пленили.

---

¹ Сэр Джон Тенниел — английский художник-иллюстратор и карикатурист, автор первых иллюстраций для книг Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

Алиса никогда не улыбалась.

Я не любила жанр абсурда и предпочитала более логично выстроенные сюжеты, приближенные к реальной жизни. Впрочем, в этой самой жизни тоже не всегда удавалось отыскать логику. Обеспеченная леди с дешевым бумажным веером — ну разве это не нелепо?

Зачем ей эта розовая безделушка?

Уже целиком и полностью увлеченная рисованием, я изобразила леди Сесилию, на этот раз с веером в руке, и попыталась передать на рисунке выражение ее лица...

Я вздрогнула, словно от удара плети, как будто вновь ощутив на себе ее полный отчаяния взгляд.

Похоже, с ней стряслось нечто ужасное.

И хотя я по-прежнему не понимала, что могу для нее сделать, я не собиралась отказывать ей в помощи.

Как же мне выяснить, в чем дело?

Немного поразмыслив, я встала, подошла к одному из книжных шкафов, просунула руку за увесистый том полного собрания эссе папы римского и нажала на

скрытый переключатель. Шкаф неслышно развернулся на щедро смазанных петлях и открыл проход в мою личную «гримерку». Там я переоделась и слегка подкорректировала свою наружность.

Я приняла решение нанести визит Алистерам. А поскольку леди Теодоре я была знакома только в обличье серой мышки — миссис Рагостин, — необходимо было наведаться к ней именно в образе этой скромной девушки.

* * *

Застенчивая, немного неуклюжая и безвкусно одетая — хоть и с лорнетом и с зонтиком в руке, — юная супруга «доктора Рагостина», не забывая ступать как можно мягче, подошла к внушительных размеров двери со стороны парадного входа в городской особняк баронета и постучала медным дверным молотком. В ее непримечательный наряд входили серые хлопковые перчатки, мягкая фетровая шляпка оливково-зеленого цвета и дорогое, но довольно уродливое коричневое платье из

набивной ткани¹. На ленту шляпки и на грудь я прицепила старомодные цветки мускусной розы. (Видите ли, бюсты благородных девушек напоминали чуть ли не цветочные клумбы.) Я надеялась, что леди Теодора меня примет: судя по тому, как прошли мои предыдущие визиты, ослепительно красивая леди Алистер находила дурнушку миссис Рагостин крайне приятной собеседницей, благотворно влияющей на ее нервную систему.

Однако у грозного дворецкого, который открыл мне дверь, не было в руках серебряного подноса, а на мою карточку он даже не взглянул, хотя наверняка узнал меня:

— Леди Теодора не принимает гостей.

— Ее светлости нездоровится? — поинтересовалась я голосом вышколенного воробушка.

— Ее светлость никого не принимает.

Хмм. Если бы леди Теодора и в самом деле испытывала недомогание, дворецкий сообщил бы, что она больна.

---

¹ Набивная ткань — ткань, поверхность которой украшена печатным рисунком (т.е. рисунок не выткан, а напечатан).

— Возможно, завтра?.. — прощеветала я.

— Маловероятно. Ее светлость настаивает на полном уединении.

Неужели ждет очередного ребенка? Бедняжка и так подарила супругу достаточно маленьких Алистеров. В ее возрасте уже поздно рожать детей. Возможно ли, что это таинственное затворничество — лишь случайное совпадение? Или оно как-то связано с самой невезучей дочерью леди Теодоры?

Изобразив легкую тревогу, я принялась бессвязно щебетать:

— Ах, как жаль... Но раз уж я здесь... Мне так хотелось бы встретиться... Нельзя ли обменяться хоть словечком с достопочтенной Сесилией?

— Достопочтенная Сесилия здесь больше не живет.

Его слова вдвойне меня удивили: во-первых, где может обитать Сесилия, если не у себя дома? Во-вторых, почему дворецкий так прямолинеен? По кислому выражению его лица я поняла, что он уже клянет себя за длинный язык; судя по всему, моя надоедливость его изматывала.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

Подбодренная его ошибкой, я перешла в атаку:

— Вот как? Вероятно, достопочтенная Сесилия уже уехала за город?

К сожалению, больше мне не удалось ничего из него вытянуть. Он извинился и захлопнул дверь у меня перед носом.

Вот и поговорила с леди Теодорой.

И что теперь?

Глава третья

Тем же вечером, в своем привычном образе помощницы доктора Рагостина Лианы Месхол, я вернулась в пансион, где снимала комнату, и в компании своей пожилой хозяйки отужинала оставляющим желать лучшего блюдом из моркови и почек. Поскольку миссис Таппер была туговата на ухо, а если честно — глуха как пень, завести беседу я даже не пыталась. Когда с ужином было покончено, я жестами попыталась ей объяснить, что хочу одолжить у нее кое-что почитать. Я развела руки в стороны, как бы разворачивая газету, а затем пальцем показала наверх — туда, где располагалась ее спальня. В этом скромном пансионе в Ист-Энде было всего

три комнаты: моя, ее и общее помещение на первом этаже, которое служило одновременно и кухней, и столовой, и гостиной. Несмотря на это, милая старушка не поняла, что я пытаюсь до нее донести. Она приложила к уху свою верную трубу, перегнулась через стол и прогремела:

— А?! Наверх забралась летучая мышь?!

В итоге я отвела миссис Таппер на второй этаж и прямо показала на стопку журналов светской хроники в ее комнате.

Чтобы найти леди Сесилию и помочь ей, мне необходимо было выяснить, кто эти сомнительные, похожие на злобных людоедок дамы, которые сопровождали ее сегодня.

До сих пор я, человек демократических взглядов, с презрением относилась к тем, кто увлеченно следил за жизнью высшего общества. Теперь же мне предстояло наверстать упущенное. Я отнесла к себе в комнату огромную стопку журналов, вероятно, накопленных миссис Таппер за несколько лет, с великим наслаждением избавилась от тесного платья, подкладок на грудь и бедра, корсета, вставок в ноздри и за щеки, кудря-

вой накладной челки и накладных ресниц, переделась в удобный халат и домашние тапочки — и наконец села читать.

Не скажу, что занятие это доставило мне удовольствие. За последующие несколько часов, тянувшихся довольно долго, я выяснила, что крокет давно устарел, теннис и стрельба из лука пока еще в почете, но Самый Актуальный Спорт для леди — это гольф. Лорд Лопоухий и леди Свеклолицая давали уроки в Гайд-парке; было замечено, что последняя щеголяла в небесно-голубом наряде от Уорта¹ из какой-то там плотной ткани с разводами. Кенсингтонский дворец, вот беда, пустовал, несмотря на все усилия, приложенные к его реставрации. Крайне важные персоны собрались на крещение Ребенка Такого-то, перворожденного сына лорда Сякого-то, графа Дакогоэзоволнует. Атлас — прошлый век, подесуа² на пике моды. В «С ума сойти ка-

---

¹ Чарльз Фредерик Уорт — английский модельер, основатель Дома моды Уорта и один из первых представителей высокой моды.

² Подесуа — шелковая ткань с матовым блеском.

кой уникальной» галерее открылась выставка картин, написанных маслом, посвященных развитию Британской империи. Виконт и виконтесса Древнеродные объявили о помолвке своей дочери Длинноименной с Завидным Женихом, младшим сыном графа Голубокровного. Я не просмотрела и четверти стопки, когда у меня нещадно разболелась голова: казалось, еще немного — и я сойду с ума. Я внимательно изучила фотографии с лодочной прогулки герцогини Кривоногой, с ежегодного банкета барона Носатого, куда была приглашена вся его команда по крикету, с первого бала дебютантки мисс Осиная Талия и с множества других светских мероприятий — но ни на одном из снимков мне так и не попались неприятные лица тех строгих матрон, которых я искала.

Когда день перешел в ночь, я с большим облегчением встала с кресла — ведь не могла же я губить глаза, читая допоздна при слабом свете свечи, — вытащила из тайника между матрасом и остоном кровати свое темное, неприметное одеяние, переоделась в него и отправилась в ночь.

* * *

Зима осталась позади, и бездомные уже не так сильно нуждались в моей помощи. А после того как Шерлок выяснил, что я часто скрывалась под личиной сестры милосердия, мне пришлось отказаться от черного балахона с глубокими карманами. Правда, я все еще могла подавать бедным милостыню при свете дня, но вскоре придумала и новую маскировку для ночных часов: теперь я играла роль сборщицы мусора, копающейся в мусорных кучах в поисках кусков ткани (для бумажных фабрик), костей (для садовых удобрений), металла (для плавилен) или еды (в моем случае точно не для себя). В потрепанной юбке и замызганной шали я ходила неровной походкой, едва волоча ноги, со старым фонарем и мешком из грубой холщовой ткани, который перекидывала через плечо на сгорбленную спину. Некая неведомая сила неизменно влекла меня в ночь, а эта конкретная маскировка сообщала моим вылазкам новый смысл: я поставила перед собой задачу научиться ориентироваться

во всем Лондоне, а не в одном лишь Ист-Энде. Сборщица мусора могла без помех забрести в любой район, на любую улочку, поскольку была истинным воплощением бережливости. Хотя по всем правилам приличия этой неприглядной работнице полагалось незаметно проскальзывать на задний двор и выныривать обратно под покровом ночи, лишь самые гнусные и скупые хозяева прогоняли прочь этих тружениц, представительниц «достойного» слоя бедняков.

Не важно, спала миссис Таппер или еще нет — добрая глухая старушка все равно не услышала бы, как я открываю засов. Заперев за собою дверь, я отправилась на людную улицу — в теплое время года узкие дороги трущоб не пустовали даже в полночь. Мимо, держась за руки и распевая веселые песни, прошла компания пьяниц. На углу под фонарем бледные оборванки шили мешки под муку и прочие хозяйственные нужды — этот неблагодарный труд приносил им несколько лишних фартингов, но быстро калечил глаза и руки, лишая возможности выполнять еще какую-либо ра-

боту. На другом углу маялись работницы иного толка — в платьях выше щиколотки и с неприлично глубоким декольте, — которые зарабатывали себе на жизнь отнюдь не шитьем. Повсюду бесцельно бродили дети. Порой мне казалось, что они составляют половину населения Лондона и половина из них — сироты (для девочки из трущоб было вполне обыденным родить в пятнадцать и умереть в двадцать с небольшим), а половина — Гензели и Гретели, выгнанные родителями, которые не могли их прокормить.

Это был восток Лондона. Десять минут на метро, и я очутилась на западе Лондона — словно в другом мире.

Особенно сильно это ощущалось именно в ночные часы. Старые квадратные домики мирно дремали, укутанные плющом, словно одеялом, а квадратные дворики окружал забор. Вымощенные квадратным булыжником дороги были широкие и пустые.

Этот район напоминал лоскутное одеяло из множества квадратиков — только не тряпичное, а кирпично-каменное, и я ни-

как не могла взять в толк, что за люди здесь живут. На вилле в итальянском стиле с квадратными башенками — нувориши¹ или обнищавшая знать? Во внушительной постройке в духе французской Второй империи², с мансардной крышей — старые девы или интеллигенция? В особняке в архитектурном стиле королевы Анны с щипцовой крышей³ — врач? Денди?

В одних окнах горели газовые лампы, другие стояли погруженные во мрак. По пути мне встретились лишь совершающие обход по району сборщики нечистот — несмотря на то что уборные сейчас часто находились в домах, еще оставались туалеты на заднем дворе, которые требовалось периодически опустошать, и эта грязная ра-

---

¹ Нувориш — быстро разбогатевший ранее бедный человек; от фр. *nouveau riche*, дословно: «новый богатый».

² Вторая империя — период во Франции с 1852 по 1870 г., когда к власти пришел племянник Наполеона I, иными словами — период бонапартистской диктатуры.

³ Анна Стюарт правила Великобританией в первой половине XVIII века. Для стиля, названного ее именем, характерны асимметричные фасады, башенки и затейливые многоуровневые крыши.

бота производилась по ночам. Выполняли ее труженики с громадным металлическим контейнером на колесах. Когда он прогромыхал мимо (оставив после себя, как это ни печально, ужасное амбре), улица снова опустела — если не считать констебля, который неторопливо шагал в мою сторону.

— Добрый вечер, холубок, — проворковала я.

— И вам того же и на будущее, холубушка. — Полицейский был ирландцем, и, похоже, очень жизнерадостным. Он крутил в руке дубинку, одобрительно поглядывая на мой холщовый мешок. — Знаешь, мне вот нос подсказывал — до того, как эти тут вонь развели, — што в сорок четвертом сеходня суп из телячих мозхов.

— Спасибо вам охромное, — поблагодарила я его и поспешила на задний двор сорок четвертого дома, где при слабом свете своего жалкого фонаря отыскивала, как мне и подсказал констебль, телячий череп — все, что осталось от головы после того, как из нее сварили суп.

О людях многое можно угадать по их кучам мусора. Например, в этом хозяйстве мечтали о жизни более богатой, чем могли себе позволить: ведь суп из телячьих мозгов иначе назывался супом из фальшивой черепахи и по вкусу отдаленно напоминал черепаховый — самое модное ныне лакомство в высшем свете.

С трофеем в мешке и с боевым духом, распалившимся от удачной встречи с приветливым констеблем, дальше я пошла по дворам замысловатыми зигзагами, проходя в основном через подъездные дороги для экипажей; всякий раз, когда я проскользывала мимо очередного каретника, поднимался лай, но слуга или помощник конюха, спавший там на чердаке, выглядывал в окно и, увидев меня, прикрикивал на собаку, чтобы та замолчала. Принятая в преисподнюю района, я начала строить догадки о его обитателях. Некоторые — люди разумные — разбивали небольшие огороды за каретным сараем, чтобы было удобно удобрять посевы навозом и соломой. Кое-какие дома казались пустыми — возможно, их хозяева отдыхали или ра-

ботали за границей, — но большинство занимали семьи с детьми: это было ясно по обручам, ярким полосатым мячикам, игрушечным обезьянкам, которые били в музыкальные тарелки, когда их заводили, и другим вещцам, валяющимся на заднем дворе. А в одной из семей жила швея и шила на всех новенькие весенние наряды¹: в горе их мусора я нашла нитки и обрезки самых разных тканей — от саржи до тафты — и при тусклом свете своего фонаря все их прикарманила.

Я подошла к следующей ограде и быстро поняла, что там фонарь мне не потребуется. Жильцы оставляли уличное освещение на ночь, и газовый рожок над дверью горел подобно факелу. Как неэкономно — и как странно!

Ворота, ведущие к подъездной дороге, были закрыты на висячий замок. Я заглянула в щель между прутьями и на углу у каретного сарая увидела освещенную га-

---

¹ Не очень состоятельные семьи, чтобы обновить гардероб, приглашали швею. Она жила у них в доме, пока работа не была закончена.

зовыми рожками груды костей, причем довольно внушительную.

Когда начинаешь заниматься собирательством — не важно, по какой причине, — это быстро превращается в своего рода одержимость. И хотя все свои находки я собиралась отдать под утро первому встречному попрошайке, меня обуревало сильное желание пробраться на этот двор и во что бы то ни стало забрать кости. Позабыв о своей роли тщедушной и сгорбленной жительницы трущоб, я легко перемахнула через ограду (мне нравилось прыгать и лазать по деревьям, но случай предоставлялся редко, и приличным девушкам не полагалось так себя вести). С легким сердцем я приземлилась по ту сторону забора и повернулась к своей цели.

Однако не успела я пройти и трех шагов, как меня парализовал оглушительный рев, достойный бенгальского тигра. Я обернулась и увидела, что ко мне со скоростью разогнавшейся до галопа лошади несется громадный зверь. Что же это такое! Каретник загораживал от посторонних глаз

собачью будку, и теперь я оказалась один на один с полноправным владельцем груды костей — грозным мастифом, который явно был не прочь перегрызть мне глотку.

Я точно не успела бы перепрыгнуть обратно через ограду, поэтому потянулась к кинжалу, но пальцы меня не слушались, и я никак не могла вытащить его из нагрудной подушечки. Внезапно чудище замерло, хотя и продолжало оглушительно рычать самым ужасающим образом.

«Что это с ним? — подумала я. — Почему он на меня не набросится?»

И тут я все поняла.

Господи Боже мой.

Мастифа остановил другой забор, внутри двора. Причем не обычный, а, если я не ошибаюсь...

— Что там у тебя, Люцифер? — протянул грубый мужской голос, и из-за букв появился хозяин мастифа, по виду сильно напоминающий своего питомца. Он неспешно зашагал вдоль забора.

Точнее, это была низкая изгородь, проходящая по канаве. Грубо говоря — врытая в землю ограда. Ее еще называли «аха» или

«ха-ха» — в честь того, какой неожиданно-стью она становилась для ничего не подозревающего человека.

Ров, выложенный камнем. За городом подобные сооружения не редкость. Они не нарушают целостности пейзажа — и в то же время не позволяют скоту и ворам пробраться на участок. А вот в городе... Зачем здесь такое?

— Сборщица мусора, — с отвращением произнес хозяин мастифа и посмотрел на меня так, будто я была тараканом, которого грех не прихлопнуть. — Как ты сюда попала?

Я вся сжалась, стараясь казаться как можно меньше — что, учитывая обстоятельства, было совсем несложно, — и продолжила с разинутым ртом таращиться на изгородь.

— Никогда такого не видела, а, куриные мозги? — с насмешкой обратился ко мне этот грубиян. — Это «ха-ха». Знаешь, почему она так называется? Потому что, когда в ров кто-нибудь падает, мы подходим, смотрим на этого умника — и смеемся! Ха-ха, ха-ха!

Почему-то его голос напугал меня еще сильнее, чем лай мастифа. Я невольно пятилась.

— ...ха-ха, ха-ха...

Я скользнула в тень за каретником, где он больше не мог меня видеть, и, не медля ни секунды, перелезла через железный забор.

— ...ха-ха! А потом уходим, — кричал он мне вслед, — а он остается там гнить!

Я прекрасно понимала, что никакая опасность мне в тот момент не грозила, и все же не могла унять дрожь. И даже когда вернулась домой и забралась под одеяло, все еще дрожала всем телом.

Глава четвертая

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я ПОДОШЛА К ДОМУ в готическом стиле с изящными орнаментами и острыми башенками, где располагалась контора «доктора Рагостина», с увесистой стопкой журналов «светской хроники».

— Доброе утро, мисс Месхол! — выкрикнул мой неумный помощник, придерживая дверь.

— Как скажешь, Джодди, — отозвалась я.

Несмотря на лучи майского солнца, которые пробивались через ситцевые занавески, когда я вошла в свой кабинет, настроение у меня было мрачнее некуда. Я до сих пор не отошла от встречи с мастифом

и его жутковатым хозяином. Впрочем, не это тяготило мои мысли. Вчерашнее происшествие казалось мелочью в сравнении с делом о загадочном розовом веере. Так же, как стопка светской хроники камнем лежала в моих руках, тайна, связанная с леди Сесилией, камнем лежала у меня на груди. Она умело передала мне свою «игрушку» — но какой от этого был толк?

Тяжело вздохнув, я отправила Джодди за свежими газетами, позвонила в колокольчик, чтобы мне принесли чай, и устроилась за письменным столом с публикациями с Граб-стрит¹, чтобы углубить свои познания в лондонском обществе. Лорд Кругосветчик расскажет леди Пустышкам о своем недавнем путешествии по Нилу... Достопочтенная мисс Осуждение разорвала помолвку с достопочтенным мистером Разочарование... Чтобы волосы стали мягкими и шелковистыми, взбейте в пену четыре белка, вотрите в корни и оставьте на... Весенняя новинка: утреннее платье,

---

¹ ¹ Улица, в XIX веке известная своими журналистами и писателями, статьи, книги и стихотворения которых отличались низким качеством.

скроенное по косой нити с невидимым швом... Нет, так я положительно сойду с ума!.. «Цветные вечера» прочно вошли в моду; желтый обед, розовое...

Минуточку.

Розовое чаепитие, столь популярная в последнее время забава, требует больших затрат, однако лучше умереть от голода, чем отстать от моды! Вот подробное изложение того, как надлежит проводить настоящие «розовые вечера». Скатерть и тарелки должны быть нежнейшего розового оттенка — на время торжества их можно одолжить у друзей. Снежно-белые пtiфуры¹ полагается выложить на высокую «этажерку для пирожных», выстланную дорогой розовой бумагой, а сладости под розовой глазурью — на низкие подставки, покрытые дорогой белой бумагой. Стол следует украсить подсвечником с розовыми свечами и нежно-розовыми цветами, а горничных одеть в розовые чепцы и розо-

---

¹ Пtiфуры — маленькие пирожные.

вые фартуки. Крем и мороженое подаются в розовых корзинках, коробочках, морских раковинах или миниатюрных тележках. Небольшие подарки для гостей вечера также обязаны радовать глаз ярким розовым цветом. Все вышеперечисленное можно приобрести у любого модного поставщика...

Подарки для гостей.

Розовая бумага.

Подходящее описание для, например, дешевого розового веера?

Зацепка довольно сомнительная, но все же это лучше, чем ничего.

Я расправила плечи и позвонила в колокольчик. Поскольку Джодди в конторе не было, на мой зов пришла служанка с кухни. Я вежливо попросила ее позвать ко мне в кабинет миссис Бэйли и миссис Фицсиммонс.

Здесь уместно напомнить любезному читателю, что готическое здание, находящееся во владении «доктора Рагостина», состояло не только из конторы, но и из съемных комнат (которые обеспечивали

мой доход), и обслуживали их экономка — миссис Фицсиммонс и кухарка — миссис Бэйли.

Пышные дамы в белых чепцах вошли в мой кабинет с выражением сомнения на пухлых лицах. За несколько месяцев работы на «доктора Рагостина» они ни разу не видели самого ученого и наверняка начинали подозревать, что мисс Месхол — не просто секретарь и помощница.

Я вежливо с ними поздоровалась — хотя присесть не предложила — и спросила:

— Где я могу найти так называемого поставщика для званных вечеров?

Миссис Бэйли раздулась, будто рассерженная ежиха:

— Зачем это вам поставщик? Я на все сгожусь...

Я не дала кухарке закончить едва начавшуюся гневную тираду, призванную отстоять ее право заниматься всем, что хотя бы косвенно связано с едой, и уточнила:

— Мне всего лишь надо узнать, где их можно найти.

А именно — в каком районе Лондона. В столице все подобные друг другу учреж-

дения сбивались в стайки подобно птицам: банкиры — на Треднидл-стрит, портные — на Сэвил-роу, желтая пресса — на Граб-стрит, терапевты — на Харли-стрит, торговцы рыбой — на рынке Биллингсгейт.

После недолгого обсуждения вопроса миссис Фицсиммонс и миссис Бэйли пришли к единогласному мнению, что конторы так называемых поставщиков располагаются по большей части у переулка Гиллиглейд, неподалеку от модного торгового района на Риджент-стрит.

* * *

Примерно час спустя в этот рай магазинов и лавок прибыл кеб, который высадил на углу обеспеченную юную леди — вашу покорную слугу. Чтобы преобразиться, я закрылась в своей потайной комнате, избавилась от румян, вкладок в ноздри и за щеки, накладных ресниц и шиньонов, обрала свое узкое бледное аристократическое лицо великолепно уложенным париком и приколола к нему шляпку с огромным количеством перьев и кружева. Немного

духов и пудры, божественное прогулочное платье цвета морской волны из хлопчатобумажного муслина в мелкий горошек и с модными рукавами-фонариками, лайковые сапожки и перчатки удивительного оттенка — серого с голубоватым отливом, белый зонтик из органзы — и вуаля! Получилась безупречная леди, которую от других представительниц высшего общества отличала лишь красивая опаловая брошь, скрывающая рукоять спрятанного в корсете кинжала.

Риджент-стрит и прилегающие к ней окрестности можно было описать всего тремя словами: стекло, газ и медь. Чистые эркерные окна, за которыми стояли витрины с изысканными товарами, освещались множеством ламп и чуть ли не слепили глаза. А в это ясное утро отполированные дверные ручки сверкали ничуть не меньше, поскольку их не покрывал привычный слой сажи. Шурша нижними юбками, я кочевала из магазина в магазин, любовалась их блестящим убранством, вертела в руках зонтик и снисходительно-дружелюбно улыбалась продавцам

и продавщицам за стойками. Вскоре мое, казалось бы, бесцельное странствие привело меня к переулку Гиллиглейд.

Мой роскошный наряд и аристократичный акцент обеспечивали мне услужливость местных работников и готовность ответить на все мои вопросы. Вскоре я выяснила, куда обращаться за арендой всего необходимого для банкета и заказа блюд, и узнала о предлагаемых услугах даже больше, чем мне бы хотелось. «Благородной леди» предлагали взять в аренду серебряные персидские кофейники, тарелки из прессованного стекла, папоротники в горшках, восхитительно бесполезные вазы, которые полагалось ставить в центр стола, золотые клетки с соловьями, которые лучше вешать под потолком; показывали меню из семи смен блюд, списки вин и легких закусок, среди них — леденцы, завернутые в хрустящую бумагу со смешными надписями.

В самом деле, из бумаги здесь могли сотворить что угодно.

— Я слышала, что этой весной особенно популярны розовые чаепития, — повто-

ряла я во всех пяти заведениях, задумчиво разглядывая в лорнет их товары.

Везде мне отвечали одно и то же: «О! Да-да, разумеется» — и демонстрировали многочисленные розовые безделушки: кружевные бумажные салфеточки, розовые маргаритки, сложенные из бумаги лодочки для конфет, похожие на бутоны роз бумажные мисочки, розовых бумажных белочек, шляпки, грибочки, верблюдов, пирамиды...

На все это я смотрела с легким, но заметным отвращением, а в конце, неуверенно протянув: «Даже не знаю... Хотелось бы чего-то более изящного...» — спрашивала:

— У вас есть веера?

Нет. К сожалению, их ни у кого не было.

Удача улыбнулась мне в шестом по счету заведении.

— О! О да, мы их смастерили по специальному заказу виконтессы Инглторп, и они имели большой успех, поэтому мы подготовили еще, про запас. Минуту, сейчас я принесу вам показать.

И мне вынесли бумажный розовый веер.

Он выглядел в точности как тот, который незаметно передала мне леди Сесилия в тот день, когда я увидела ее в «хромой» юбке.

— Позвольте взглянуть, — требовательно произнесла я, выдержав властный тон, но совершенно позабыв, что мне должно изображать еще и безразличие, и, схватив веер, поднесла его к свету. Я не просто рассматривала его — а положительно сверлила взглядом, пытаясь выявить хоть одно отличие. — Он изготовлен из такой же бумаги, которую вы использовали для... мм...

— ...Виконтессы Инглторп? Да, из той же самой.

Бумага была простая, но плотная, хорошего качества. Никаких водяных знаков я на ней не обнаружила.

На мгновение я застыла, и услужливая работница, вероятно, задалась вопросом, отчего я так хмурюсь.

— Могу я взять его с собой? — голос у меня был, признаюсь, довольно сердитый, но сердилась я на самом деле на себя.

— Конечно.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

— Благодарю. — Я пулей вылетела из здания, что с моей стороны было довольно невежливо, и направилась к ближайшей стоянке наемных экипажей, бормоча себе под нос: — Вот же слепая курица! До чего же я была слепа!

Ну как можно было не обратить внимания на очевидное и не сделать самый простой вывод?!

Эх, какой же я была недогадливой! Бестолковой. Дурой. Но теперь я ухватила за ниточку и не сомневалась, что она приведет меня к разгадке тайны леди Сесилии.

Глава пятая

МИСС МЕСХОЛ вернулась в пансион намного раньше обычного и, безуспешно пытаясь изобразить на лице улыбку, поздоровалась с изумленной миссис Таппер и не менее изумленной маленькой служанкой.

К счастью, глухота первой и низкое положение второй избавляли меня от необходимости объясняться. Я кивнула, приветливо им помахала и отправилась наверх к себе в комнату. Заперев за собою дверь, я буквально набросилась на розовый веер леди Сесилии. Я поднесла его к окну и еще раз внимательно изучила водяные знаки.

Те самые, которые приняла за обыкновенный шахматный узор.

Признаюсь, в тот момент я смачно выругалась — ведь мне следовало с самого начала догадаться, что они означают.

Впрочем, какой толк в самобичевании? Я заставила себя подавить ненужные эмоции, чиркнула спичкой и зажгла свечи. Взяв в руку веер, я раскрыла его аккуратным полукругом и осторожно нагрела, стараясь не спалить бумагу.

Неспешно и равномерно прогревая веер, я наблюдала, как на розовом фоне начинают проявляться коричневые полосы.

Так я и думала.

Невидимые чернила.

Нужно заметить, что леди Сесилия с пронизательностью настоящего художника нанесла узор тонкой кистью, чтобы на бумаге не осталось отметин после того, как высохнут «невидимые чернила» — скорее всего лимонный сок.

Сердце у меня забилось быстрее: еще немного — и послание на веере можно будет прочесть!

Точнее — расшифровать.

Убедившись, что на веере проявились все коричневые линии, я села в кресло,

положила себе на колени дощечку для письма, лист писчей бумаги и перенесла на него шифр карандашом — на случай, если оригинал выцветет. Он и так уже читался с трудом. С учетом нескольких догадок и предположений мне удалось получить следующее:

□ □ ▢ □ √ ⊥ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃
 ▢ □ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃ ⊃

Несколькими неделями ранее, в дни бездействия и, признаюсь, одиночества, я приобрела и прочла издание **«О ТАЙНОПИСИ И ШИФРАХ»**. Обычно меня не интересовали подобные труды, но эту конкретную «незначительную монографию», как ее называл сам автор, написал мой брат Шерлок Холмс; я перечитала ее несколько раз — исключительно ради того, чтобы «послушать» его четкую, сдержанно-страстную речь.

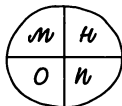
Таким образом, благодаря Шерлоку я сразу опознала «масонский шифр», изобретенный в прошлом веке вольными каменщиками; впрочем, я разгадала бы его

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

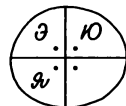
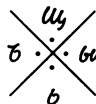
и без великолепного научного труда моего брата, поскольку эта «тайнопись» ни для кого не была тайной — ею пользовались школьники по всей Англии. В самом деле, шифр этот был настолько широко известен, что я задалась вопросом, зачем леди Сесилия дала себе труд его применить.

Я начертила на бумаге ключ к шифру:

а	б	в
г	д	е
ё	ж	з

р.	с.	т.
у.	ф.	х.
ц.	и.	ш.

Чтобы воспользоваться этим шифром, необходимо заменять буквы соответствующими, так скажем, ячейками. Пустая ячейка обозначала пробел. Проще некуда. И расшифровать это не сложнее. Я бросила

взгляд на тайное послание, которое переписала на листок, и быстро его перевела:

ПОЗОГИТХ ШРПЕРЛИ МОРЯВ
ГОЬФДОМ ВЫНУЖД

И на этом все.

— Проклятье! — проворчала я, хмуро вглядываясь в бессмысленный набор букв, никак не удовлетворивший мое любопытство. В глаза бросались только слова «МОРЯ», «ДОМ» и обрезанное «ВЫ-НУЖД», как в телеграмме.

Не пропустила ли она пробелы? «Вынужд.» или «вы нужд.»? А если все-таки первое, то что она вынуждена сделать? Или как поступить? После такого слова ожидаешь увидеть глагол. Вынуждена вести себя так-то и так-то, чтобы избежать наречий... По такой-то и сякой-то причине вынуждена...

Вынуждена что? Предложение не должно так заканчиваться.

Разве что слово не сокращено, а оборвано... И его не успели дописать. Леди Сесилию прервали? За ней пристально наблюдали?

Я нутром почуяла, что попала в точку: леди Сесилия не смогла закончить предложение. Судя по всему, ее почти никогда не оставляли одну. Жаль, что она не написала свое послание простым человеческим языком — на это у нее ушло бы меньше времени.

Мгновение спустя я осознала, почему она поступила именно так: «невидимые чернила» почти незаметны, но при определенном освещении проявляются. Буквы могли броситься в глаза. А вот шифр из аккуратных квадратиков, легко скрывающийся в складках веера, напоминал обычный узор, но при этом разгадать его было несложно.

Умно!

И отчаянно. Тайное послание, начертанное на бумажном веере «невидимыми чернилами», подкинутое случайному встречному, малознакомому человеку, должно было, несомненно, содержать мольбы о содействии, спасении, помощи...

Ну конечно!

Первое слово означало вовсе не бессмысленное «ПОЭОГИТХ», а «ПОМОГИТЕ».

Ячейка для «М» выглядела точно так же, как для «Э», только в ней не было точки. Вероятно, леди Сесилия слегка усложнила задачу, поменяв местами некоторые буквы из похожих ячеек.

Что же тогда означало «ШРПЕРЛИ»?

Эврика! Конечно же «ЗАПЕРЛИ»!

Я вновь принялась нетерпеливо водить карандашом по бумаге, подбирая нужные буквы, чтобы получилось осмысленное сообщение. Наконец у меня вышло следующее:

□ □ □ □ □ √ ⊥ ⊥ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙
□ □ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙

**ПОМОГИТЕ ЗАПЕРЛИ МОРЯТ
ГОЛОДОМ ВЫНУЖД**

Проще говоря: «Помогите! Меня заперли и морят голодом, вынуждают...»

* * *

Признаюсь, добившись удовлетворительного результата, я испытала неимоверное облегчение и радость победы. Наконец

мне стало ясно, почему леди Сесилия нарядилась в нелепую юбку-колокол. Ее насильно одели в платье, в котором бедняжка еле ходила и даже при большом желании не могла сбежать от двух драконов. Сейчас она, очевидно, вновь сидела под замком — но где? Опять мне подвернулось дело о пропавшем человеке! Я с наслаждением предвкушала поиски, приключения, вероятно, даже сладость спасения...

Впрочем, мой пыл мгновенно остыл, когда сердце наполнил страх за судьбу леди Сесилии. Успею ли я вовремя ее разыскать? До того, как...

Как что? Что ее вынуждают сделать, зачем держат взаперти и морят голодом?

Очевидно, хотят, чтобы она поддалась некоему требованию. Подчинилась команде, которую до этого выполнять не желала. Согласилась...

— О нет, — прошептала я, когда в памяти всплыл обрывок разговора. — Но это же кошмарно! Может ли такое быть?..

«Тебе необходимо платье в приданое, и мы его найдем», — сказала одна из матрон.

Я мало знала о том, как выглядят эти платья и что вообще входит в приданое — вроде бы дорогие ткани и кружевное нижнее белье, — однако прекрасно представляла, для чего оно нужно.

Леди Сесилию привезли в город, чтобы собрать приданое.

Это означало, что оно не было заготовлено заранее: не было никакой помолвки, после которой невеста любовно шила кружева и рюши, — и времени заказать утонченно-модные вещи для приданого из-за границы тоже не было.

Я в ужасе подскочила, уронив на пол дощечку для письма, карандаш и бумагу.

Леди Сесилию собирались выдать замуж.

Скоро.

И против ее воли.

Глава шестая

Я должна была ее найти. Найти и спасти от кошмарной, несправедливой судьбы.

Но как?

Энола, успокойся. Подумай. Этот голос, прозвучавший в моей голове, принадлежал матери, и перед глазами у меня встал ее образ.

Хоть и приятный, он таил в себе неприятный вопрос: почему я откладываю поиски мамы?

Разве я не хочу ее видеть?

Что же я тогда за дочь?!

Впрочем, ведь это она сбежала от меня, а не я от нее.

Однако же я ее простила?

Будь оно все проклято! Я не могла, нет — не хотела отвечать себе на эти каверзные вопросы.

Я их отбросила, снова опустилась в кресло, взяла бумагу и карандаш и сказала себе, что дело леди Сесилии должно быть у меня в приоритете, поскольку ей угрожает наибольшая опасность. Мама отодвигалась на второе место, а кость генерала, которая, насколько мне было известно, не была ему срочно необходима, — на далекое третье.

Что же я знала наверняка о затруднительном положении леди Сесилии?

Практически ничего.

Что ж, а какими фактами я располагала?

Я записала следующее:

Ее мать не выходит из дома и никого не принимает

Вряд ли леди Теодора одобрила бы брак по принуждению

Леди Сесилию забрали от матери

Скорее всего, это решение принял сэр Юстас

Что вполне закономерно. Как быть с непослушной, возмутительной левшой с твердыми политическими убеждениями, которую скандальным образом похитили и теперь для «брачного рынка» она «испорченный товар»? Однозначно пропустить этап

с «выходом в свет», лично договориться со знакомым холостым джентльменом, чтобы он взял девушку в жены за определенную материальную компенсацию, — и таким образом сбыть ее с рук.

А значит, те две драконихи лишь временно приглядывали за пленницей. Передо мной стояла очевидная задача — узнать, кто они и где живут.

Я записала:

Ее покровительницы — высокомерные и заносчивые, в дорогих нарядах, явно благородного происхождения

Их властный тон подразумевает некоторую родственную связь

Они одели свою подопечную в желто-зеленое; не принадлежат ли они «эстетическому движению»?¹

---

¹ Как такового официального движения в викторианской Англии не было, однако многие разделяли единую точку зрения, что искусство может и должно создаваться не ради этических, а ради эстетических целей — «искусство ради искусства». В данном случае Энолу, скорее всего, смущает тот факт, что юная леди одета не в белое — символ невинности, а в цветное модное платье, которое исключительно «украшает» девушку и не несет никакого скрытого смысла — то есть это «красота ради красоты».

Сесилия и ее спутницы сели в экипаж,
номер _____

Скорее всего, веер ей подарили на розовом
чаепитии — возможно, у виконтессы Инглторп?

Вот и все — полезного мало.

Пускай номер кеба вылетел у меня из
головы, но я могла гордиться, что хотя бы
запомнила фамилию виконтессы.

На данный момент это была моя един-
ственная зацепка.

Есть шанс, что какая-нибудь из газет
светской хроники упомянула о том самом
розовом чаепитии... и, если предположить,
что леди Сесилию сопровождали ее покрово-
вательницы... найти список гостей...

Признаюсь, когда мой взгляд упал на
стопку, прямо скажем, откровенного му-
сора, я застонала от отчаяния. Даже если
отыскать заметку о званом вечере викон-
тессы Инглторп и весь список приглашен-
ных гостей — как определить, кто из них
те людоедки, стерегущие леди Сесилию?
А вдруг я потрачу много мучительных ча-
сов на эти дрянные газеты и так и не найду
в них ни слова об этом треклятом чаепи-

тии?! Все-таки виконтесса не ровня, скажем, жене герцога или даже графа; журналисты вполне могли решить, что не стоит тратить время на...

Вдруг меня озарило, и я чуть не задохнулась от восторга. Поразмыслив несколько секунд, я кивнула самой себе и улыбнулась.

* * *

Я не знала, как выглядят журналистки светской хроники, но примерно себе представляла: девушка больше образованная, чем обеспеченная, из дворянства, но ближе к гувернанткам, вынужденная сама зарабатывать себе на жизнь, пока не найдет мужчину, который возьмет ее под свое крыло. Одежда на ней простая, даже слегка поношенная, но всегда стильная. К ней относятся с добротой и легким презрением.

Я бросилась искать свой коричневый твидовый костюм — одежду практичную и универсальную. Второй завтрак я пропустила, и времени у меня было еще достаточно.

Примерно через час я подошла к двери городского особняка виконтессы Инглторп в вышеупомянутом поношенном костюме, перчатках и коричневой шляпке с вуалью, скрывающей лицо. В руке я держала блокнот стенографистки и несколько карандашей.

Дворецкому, похожему на оловянного солдата-переростка, я сообщила, что пришла от имени «Вуменс газетт». Я просмотрела все последние выпуски этого любимого многими издания и не нашла ни одного упоминания фамилии Инглторп, так что держалась вполне уверенно.

— Меня отправили расспросить виконтессу о розовом чаепитии, — добавила я.

— Поздновато, не находите? — проворчал дворецкий. — Больше недели прошло.

Я решила, что лучше ничего на это не отвечать, и застенчиво улыбнулась.

Дворецкий нахмурился:

— У вас нет визитки?

— Я новенькая, — сочинила я на ходу. — Мне еще не напечатали карточку.

— А, вот оно что. Неделю спустя к нам отправляют новичка.

Меня не обидел его ворчливый тон, поскольку он лишь подтвердил мою догадку: виконтессе Инглторп очень хотелось бы появляться в газетах не реже, скажем, какой-нибудь герцогини, и она считала, что ей уделяют недостаточно внимания в женской прессе, а прислуга, разумеется, разделяла ее праведное негодование.

Я подавила улыбку. Теперь я даже не сомневалась, что меня примут: тщеславие виконтессы не позволит ей отказаться от интервью.

Действительно, пока дворецкий поднимался к хозяйке, чтобы доложить, экономка — удивительно приятная дама по имени Доусон — уже показывала мне маленькую столовую.

— Мы все оставили как было, — говорила она. — Кроме цветов, конечно. Миледи много сил на это потратила, и ей нравится иногда сюда заходить любоваться результатом.

Лично у меня не возникло никакого желания «любоваться» этой комнатой. Казалось, я попала в коровье вымя. Прежде я вполне спокойно относилась к розовому

цвету, однако теперь, стоя перед розовыми шторами с розовой драпировкой, столами, покрытыми розовыми скатертями, и розовыми стенами, я постепенно начинала его ненавидеть.

Чтобы не выйти из образа и в то же время скрыть побледневшее от отвращения лицо, я открыла блокнот и принялась поспешно записывать в него все детали: розовые шелковые ленты под потолком и на рамах картин, розовая сетка, нависающая над столами, розовые японские фонарики на розовых шнурах.

— Мы подавали кокосовые пирожные под розовой и белой глазурью, розовое мороженое, выложенное на тарелках в форме купидончиков и лебедей. Ее светлость была в розовом платье, заказанном из Франции, а всей прислуге специально для этого события выдали розовые чепцы и розовые фартуки. Комнату освещали розовые свечи, и казалось, будто мы попали в волшебную страну!

Я стиснула зубы, чтобы удержаться от колкого замечания, и пробормотала:

— Цветы?

— О! Прелестнейшие столистные розы — шикарные букеты. И у джентльменов в петлицах тоже были розы, только белые — розы могут быть любого цвета, но розовый, видите ли, заложен у них в названии.

— Да, понимаю. — Я вымученно улыбнулась. — Очень хитро.

— Это ее светлость придумала. И подарки гостям подготовили чудесные: бумажные розовые веера для дам и бумажные розовые цилиндры для джентльменов.

— Как занимательно, — бесцветным голосом отозвалась я.

— Да, их это знатно развеселило.

Наконец мы подошли к интересующему меня вопросу:

— Кто пришел на чаепитие?

— Джейкобс пошел спросить виконтессу, можно ли выдать вам список гостей. Изволите проверить, не вернулся ли он еще?

— Да, пожалуйста, — ответила я, пожалуй чрезмерно пылко; меня уже начинало подташнивать от этой комнаты, как будто я переела засахаренных слив. Когда мы

вышли в коридор, обставленный самым обычным образом, я вздохнула с облегчением.

Проходя мимо гостиной, я заглянула в открытую дверь и резко остановилась, чуть ли не разинув рот.

— Великолепный, не правда ли? — сказала экономка, догадавшись, что именно привлекло мое внимание.

На дальней стене, на почетном месте над каминной полкой, висела большая картина, написанная маслом и обрамленная золотой рамой. На картине в полный рост и чуть ли не реального размера была изображена леди, элегантно восседающая на тахте в платье из узорчатого шелка ярко-алого цвета, изысканнее которого я в жизни не видела, и небрежно прижимающая к груди белого персидского кота. Замечу мимоходом, что нет ничего глупее, чем держать домашнего питомца в доме, полном бесценного фарфора — правда, по моим наблюдениям, чем богаче хозяева, тем больше их тянет на всякие глупости и тем чаще они ставят под угрозу дорогой ирландский хрусталь и соболиные меха,

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

которые в результате оказываются все в белой кошачьей шерсти. Однако не эти сообщения и не роскошный вечерний туалет дамы на портрете лишили меня дара речи.

Это были ее изящные черты на полном лице.

— Это, понятное дело, моя хозяйка, — сообщила экономка.

Виконтесса — одна из матрон, которых я видела в Общественной дамской комнате.

Не успела я в полной мере осознать, какой опасности сама себя подвергла, как сзади меня прозвучал голос дворецкого:

— Леди Отелия Тороуфинч, виконтесса Инглторпская, желает видеть вас в своей личной гостиной.

Глава седьмая

Ох.

Сама виконтесса?!

О нет. Мне невыносимо захотелось спастись бегством, как будто уже не было сомнений, что она знает... нет, быть не может... значит, непременно узнает... поймет, что я вовсе не из «Вуменс газетт» и сую свой значительных размеров нос в ее дела. Догадается, что ко мне попал тот самый розовый веер...

Все эти тревожные мысли звенели у меня в голове, пока я поднималась по лестнице вслед за дворецким. В такие моменты я всегда благодарила судьбу за то, что мой отец был логиком и что я училась по его книгам, поскольку это

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

позволяло мне делать следующие заключения:

Дано: Виконтесса Инглторп посетила Общественную дамскую комнату в то же время, что и я.

Допущение: Она меня узнает.

Заключение: Неубедительно.

Сомнительное допущение: Она обратила на меня внимание и запомнила мое лицо.

Допущение: Она поймет, что я НЕ репортер из «Вуменс газетт».

Заключение: Допущение ошибочно, так как журналистки тоже могут пользоваться общественной уборной.

Только мне удалось себя успокоить — и в то же время подняться на верхнюю ступеньку, — как внизу с грохотом распахнулась дверь и раздался громкий рев:

— Ха-ха!

Я подпрыгнула на месте и пискнула, как загнанный в угол кролик: ведь это был голос жуткого хозяина мастифа за врытой в землю оградой!

«Невозможно!» — возразил голос разума. По какой причине...

— Ха-ха! Вот мы и здесь!

Дворецкий выглядел не менее изумленным, чем я, — настолько, насколько вообще может выглядеть изумленным дворецкий с непроницаемым лицом.

— Прошу прощения, мисс, — сказал он и пошел обратно на первый этаж — проверить, в чем дело, а я осталась наблюдать за происходящим, перегнувшись через перила.

— Забегайте! Ха-ха! Можете тарашиться на все сколько душе угодно, оборванки!

Я не могла поверить своим глазам: это и правда был тот самый здоровяк, который обещал оставить меня гнить в канаве. В камзоле, с пластроном¹, в угольно-черных бриджах и кремовых гетрах, с ухмылкой на грозном лице, которую явно выдавил из себя с трудом и считал улыбкой, он вел за собой, что было совершенно неожиданно, целый выводок сироток, разбившихся по парам, — девочек в урод-

---

¹ Пластрон — предшественник галстука.

ливых коричневых передниках в клетку, настолько коротко остриженных (во избежание заражения вшами), что их легко было принять за мальчишек, даже несмотря на чепцы с оборками.

Дворецкий подошел к Господину Ха-ха, как я про себя его прозвала, с мрачным видом поклонился и что-то пробормотал.

— Да просто хотелось порадовать маленьких попрошайек, ха-ха! — проревел в ответ здоровяк. Я с невольным восхищением отметила, как покраснела его лысеющая голова, и мысленно сравнила ее с помидором. — Какие-то возражения?

Вероятно, он прочел в почтительной манере дворецкого скрытый вопрос и сомнение в том, что сейчас подходящее время устраивать сироткам экскурсию по чужому дому.

— Ничего не трогайте, — приказала дама средних лет, замыкающая процессию, — в ней сразу узнавалась матрона из сиротского приюта: не только по строгому коричневому платью и еще более строгому тону, но и по типичному для дам подобной профессии чепцу, совершенно безумному

и не похожему ни на какой другой — напоминающему вывернутый наизнанку тюльпан из накрахмаленного белого хлопка, обшитый рюшами. Мне сразу захотелось нарисовать ее в виде коричневого маяка с округлым белым фонарем на верхушке.

— Прикажете доложить виконтессе? — спросил дворецкий. Только прозвучало это не как вопрос, а как предупреждение.

— Нет, зачем же? Я всего-то хочу показать малышам, что их ждет, ха-ха! Если они пойдут работать прислугой в мой дом, ха-ха!

Неслыханное заявление — учитывая, что дом принадлежал вовсе не ему, и это было видно по тому, как держал себя с ним дворецкий. Суровый ухмыляющийся здоровяк, больше похожий на мастифа, чем на человека, прогремел:

— За мной, нищенки! — И двинулся вперед.

Сиротки медленно последовали за ним, крепко держась за руки и прижимаясь друг к другу, а на их лицах был написан не меньший ужас, чем я испытывала в эту минуту. Подгоняемые наставницей, они

скрылись под лестницей, на которой я стояла, и исчезли из виду. И хотя я прекрасно понимала, что Господин Ха-ха меня не видел — а даже если бы увидел, то не узнал бы, — сердце мое колотилось в груди и, несмотря на то что леди никогда не потеют и даже не преют, моя кожа в ту минуту, как говорится, «блестела».

Дворецкий вернулся ко мне с таким безупречно непроницаемым выражением лица, что я не осмелилась спросить, кто этот загадочный господин. Честно говоря, я не смела и рта открыть.

Я с трудом заставила себя отпустить перила лестницы, в которые вцепилась так, словно от этого зависела моя жизнь. В ледяной тишине меня проводили к двери. Дворецкий открыл ее и объявил:

— Мисс... мм... журналист, о которой я вам докладывал, миледи.

Видимо, он пока не собирался сообщать о внезапном вторжении — по крайней мере в моем присутствии.

— Да. Разумеется. — Виконтесса махнула мне рукой, чтобы я вошла, но даже не удостоила меня взглядом, за что я была

ей очень благодарна; можно было наконец спокойно вздохнуть и взять себя в руки. Присесть ее светлость, само собой, мне не предложила: очевидно, что простая журналистка не станет задерживаться надолго. Не стала она и ждать, пока я начну задавать вопросы, от меня требовалось только слушать и записывать.

— Вы должны взглянуть на мой наряд с розового чаепития, — объявила она.

Из гардеробной тут же появилась горничная с конфетно-розовым одеянием в руках.

— Это платье от Уорта, — сообщила виконтесса и принялась зачитывать вслух из каталога: — «Этот изысканный наряд для чаепития сшит из тончайшей тафты с цветочным узором и элегантным гофрированием, отделан...» Записывайте! Я хочу, чтобы вы передали все в точности.

Я послушно принялась выводить закорючки, поглядывая при этом на домашнее платье виконтессы, которое заслуживало не менее изощренного описания; честное слово, в таком великолепном наряде не стыдно было бы предстать перед самой

королевой. Очевидно, эта дама метила на порядок выше головы.

— «...отделан у выреза рюшами из сатина и жемчугом и покрыт слоем воздушного белого тюля, а по лифу тянется двойная полоса редкого розового жемчуга, которая продолжается на правой стороне юбки, где крепляется застежкой из розового золота, вдохновленной сивиллами Микеланджело с фресок Сикстинской капеллы...» Вы все успели записать?

— Да, миледи, — соврала я. — Можно узнать, кто присутствовал на чаепитии, миледи?

Мне уже была известна личность одной из гарпий, сопровождавших в тот день леди Сесилию, — осталось выяснить, как звали вторую. Я надеялась, что список гостей прольет свет на эту тайну.

— О да, разумеется, вот список. Само собой, на вечере была графиня Вудкрок. — Она произнесла это так небрежно, что я сразу поняла — виконтесса особенно гордилась тем, что ей удалось заманить к себе эту персону. — Леди Дина Вудкрок; граф Таддеус, к сожалению, прийти не

смог. Кроме того, нас почтили своим присутствием три дочери графа Тростлбайна, леди Эрменгарда, Эрментруда и Эрменина Кроуз в сопровождении...

Далее последовало долгое и утомительное перечисление, и я начала бояться, что запутаюсь во всех этих титулах и именах.

— ...и баронесса Мергансер. Леди Акилла Мергансер. Это, видите ли, моя сестра.

— О, вот как? — переспросила я с неподдельным интересом: не выглядит ли случайно эта сестра точно так же, как сама виконтесса? Возможно ли, что леди Акилла Мергансер и есть вторая...

— Да. Боюсь, Акилла выбрала себе супруга ниже ее по положению, — сказала виконтесса, что было заносчивой чушью: барон ничем не хуже и не лучше виконта. — Ее супруг не пришел на чаепитие, однако она привела с собой сына, Брамсуэлла, и его невесту — достопочтенную Сесилию Алистер.

Да! О да! Если одной из людоедок-надзирательниц была виконтесса Инглторп, то вторая, несомненно, — ее сестра Акилла,

чей сын по имени Брамсуэлл намеревался жениться на несчастной леди Сесилии. Едва скрывая свое волнение и поспешно записывая в блокнот имена, я пробормотала:

— Уверена, леди крайне очаровательна.

— Могла бы быть, если бы захотела. Девушка очень избалованная и, боюсь, еще совсем ребенок в душе.

Похоже, мое любопытство положило конец словоохотливости виконтессы, поскольку она резко повернулась ко мне спиной; я обратила внимание на явный признак слишком частой езды в дамском седле: правая ягодица была заметно выше левой. Я еле сдержала улыбку.

Виконтесса махнула мне рукой:

— Это все.

— Как скажете, миледи. — Очень важно не выходить из роли; я постаралась изобразить реверанс. — Спасибо, миледи.

Дворецкий ждал меня у двери, вытянувшись по струнке, будто военный. Я мысленно задалась вопросом, ушли или нет явно не приглашенные сиротки, но не стала о них упоминать, потому что у меня

была одна просьба. Когда мы спустились на первый этаж, я обратилась к дворецкому и уточнила, можно ли мне снова переговорить с экономкой.

— Недолго, только чтобы поблагодарить ее за помощь, — масляным голосом произнесла я.

Дворецкий принял мою просьбу с надменным безразличием. Минуту спустя я уже сидела в помещении для слуг вместе с приветливой Доусон. Она с удовольствием обсудила со мной гостей розового чаепития — в гораздо больших подробностях, нежели ее хозяйка.

Я избавлю любезного читателя от незначительных сплетен, которые неизбежно предшествовали тому, что мне было действительно важно узнать. Несколько минут я внимательно выслушивала то, что экономка сообщала мне «по секрету», и лишь затем изобразила интерес к отношениям виконтессы Отелии и ее сестры леди Акиллы.

— О да, — с готовностью ответила добрая экономка, — они похожи как две капли воды.

«Эврика!» — подумала я. Как я и предполагала, в Общественной дамской комнате леди Сесилию сопровождали именно баронесса Акилла и виконтесса Отелия.

Бедная моя левша! Я чуть не поежилась от страха за нее: если не помешать Брамвеллу Мергансеру жениться на леди Сесилии, эта «очаровательная» дама станет ее свекровью!

Конечно, мне хотелось узнать о заявленной свадьбе как можно больше, но расспрашивать экономку нужно было очень осторожно, чтобы не возбудить лишних подозрений: даже самые болтливые слуги преданы своим хозяевам. Я откинулась на спинку стула и задала самый естественный и ожидаемый вопрос об Отелии и Акилле:

— У них много детей?

Для низших слоев населения плодovitость — досадная помеха, но в глазах дворянства, вдохновленного примером королевы Виктории, матери девяти детей, многодетные семьи — образец добродетели.

— К сожалению, у миледи нет живых потомков, — ответила Доусон с сочув-

ствием и в то же время едва заметным ликованием по поводу того, что не только у простых людей дети гибнут от сыпного тифа и подобных болезней. — А из пяти малышей баронессы Акиллы только Браммуэлл дожил до совершеннолетия. Боюсь, она уж слишком окружает его заботой, — добавила экономка, наливая нам в чашки еще чаю.

Я надеялась, что своим видом никак не показала волнение, сравнимое с возбуждением напавшей на след гончей.

— Вот как? Сколько ему сейчас?

— Под тридцать, а он до сих пор не переехал от матери и сам ничем не занимается. Видимо, так всю жизнь и проживет — ведь он скоро женится.

— Да, понимаю! — Мой интерес был вполне закономерным и как будто невинным. — А кто его невеста достойная Сесилия Алистер?

— Двоюродная сестра. Ее отец, Юстас Алистер — брат леди Акиллы, ну и, само собой, леди Отелии.

Боже мой! Какая мерзость! С точки зрения общества в таком союзе не было ни-

чего гнусного, и для аристократов браки двоюродных братьев и сестер до сих пор оставались делом обычным, поскольку сохраняли чистоту крови. Вот только, если верить Томасу Мальтусу¹, из-за этого каждое поколение было уродливее предыдущего.

Да, это вполне в духе сэра Юстаса — выдать родную дочь за сына сестры. Когда леди Сесилию похитили, он тревожился не за ее жизнь и здоровье, а за свою репутацию. А после того как она вернулась, наверняка видел в ней не жертву, а опозоренную девушку. Чувства самой Сесилии его не волновали. Он боялся еще сильнее запятнать свое имя и потому сговорился с сестрой, чтобы сбыть Сесилию с рук, не представляя ее ко двору. Интересно, сколько он заплатил Мергансерам?

Доусон ждала моей реакции.

---

¹ Томас Мальтус (1766–1834) — английский ученый, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост населения Земли приведет к голоду и краху цивилизации. Он полагал, что рост населения идет в геометрической прогрессии, а средств существования — в арифметической, и это несоответствие приведет к социально-экономическому коллапсу.

— Мм... хорошая партия, — ответила я.

— Да, вы правы, очень хорошая.

Все это время я откладывала любопытный, но неделикатный вопрос: кем был тот Господин Ха-ха. Судя по его одежде — вероятно, джентльменом, быть может даже титулованным, как-то связанным с леди Отелией.

— А это случайно не сэр Юстас так любезно сопровождал сирот?.. — спросила я, прекрасно понимая, что это не он. Однако на этом я исчерпала лимиты болтливости Доусон.

— Нет-нет, — вежливо, но с явным неудовольствием произнесла она, — это был не сэр Юстас, а что касается этих возмутительных простолюдинок, которых привели сюда без предупреждения... Впрочем, это не мое дело. Надеюсь, вы меня простите.

Глава восьмая

В контору «доктора Рагостина» я вернулась в растрепанных чувствах. Несчастливая леди Сесилия, бедная моя левша! Должно быть, ей казалось, будто весь мир обернулся против нее в стремлении сломить ее дух. Я знала, каково это — находиться в полной зависимости от родственников или опекунов, которые требуют от девушки полной покорности. Меня спасла хитрость матери.

А как спасти леди Сесилию?

Я зажгла газовые лампы и сразу направилась к книжным полкам за изданием «Бойлса», моего главного справочника по аристократии. Настроение у меня было плохое, потому что обед я пропустила и из чистого

упрямства решила не возвращаться домой на ужин: мне хотелось скорее прочитать про Инглторпов и Мергансеров, а от них перейти и к другим фамилиям, чтобы собрать полную картину событий.

Отец Юстаса, Акиллы и Отелии сэра Дориан Алистер, как выяснилось, был всего лишь баронетом: не лордом и даже не пэром. Мало того — его средства не соответствовали его амбициям. Однако сэра Дориан с супругой успешно представили ко двору своих дочерей, и Отелия с Акиллой оказались достаточно привлекательны и очаровательны (во что мне верилось с трудом), чтобы удачно выйти замуж. Юстасу тоже повезло — он женился на леди Теодоре.

Больше справочник ничего мне не дал, но я встречалась с леди Теодорой и поэтому догадывалась, что их с сэром Юстасом дети, к счастью, больше пошли в мать, чем в отца.

Я знала, что леди Сесилия презирала отца за его отношение к благотворительности (он никому не подал бы милостыни), обществу (он видел в людях только выгоду и связи) и женщинам (он считал, что

они должны беспрекословно подчиняться мужчинам).

Интересно, насколько двоюродный брат леди Сесилии, за которого ее вынуждали выйти замуж, был схож в мировоззрении с сэром Юстасом?

Как же несправедливо, что столь добрая, умная, мягкосердечная девушка — Сесилия не пожалела бы отдать нищей попрошайке свою обувь — родилась в семье такого мерзавца, как сэр Юстас, попала в сети лукавого похитителя, а теперь еще и оказалась заперта в комнате без еды и, возможно, воды... И где?

В «Бойлсе» был указан лондонский адрес барона Мергансера, и мне показалось разумным начать поиски оттуда. Немедленно.

* * *

Если я хотела успеть добраться до особняка Мергансеров до заката, то о том, чтобы сменить маскировку, не могло быть и речи, и я твердо сказала себе, что прекрасно обойдусь и твидовым костюмом. Он был достаточно темным, как и мои се-

рые чулки и коричневые сапожки. Только белый воротничок мог привлечь ко мне лишнее внимание, но если потребуется, его будет несложно снять. Поэтому я убедила себя остаться в образе журналистки и задержалась в конторе лишь на несколько минут — чтобы набить небольшой саквояж полезными вещами.

Размахивая своей дорожной сумкой, я вышла на улицу и поймала четырехколесный экипаж.

— Оакли-стрит, — сказала я кебмену. — А там пусть лошадь перейдет на шаг.

Он озвучил цену, от которой я невольно поморщилась, но все же напомнила себе, что из кеба я смогу наблюдать за помещением, сама оставаясь незаметной для посторонних глаз.

Что оказалось очень кстати, поскольку, когда я увидела дом Мергансеров, челюсть у меня отвисла чуть ли не до самого воротничка с оборками.

Неужели перепутала адрес? Нет, номер дома был указан на воротном столбе железной ограды с зубцами, которая окружала увитое плющом здание, стоящее в тени

буков, роняющих с длинных ветвей красновато-коричневые листья. Да, там росли буки... но может, меня подводит память? Хорошо бы. Через несколько кварталов я попросила кучера остановиться, повернуть назад и еще раз медленно проехать мимо того дома.

Чтобы я еще раз на него взглянула.

К сожалению, повторный осмотр лишь подтвердил мои опасения: лондонский особняк барона Мергансера — невыносимо уродливое «готическое» здание с щипцовой крышей, наверняка украшенной горгульями, — был один в один тем же домом, на заднем дворе которого я в образе сборщицы мусора видела жуткого здоровяка, кровожадного мастифа и необычную ограду, врытую в землю.

После этого открытия и учитывая сегодняшнее пугающее происшествие в доме виконтессы Инглторп, куда Господин Ха-ха нагло и без предупреждения впустил сироток, а также его дорогую одежду и властное поведение, я наконец поняла, кем он является на самом деле. Все это не могло быть простой случайностью.

Пока я все это обдумывала, я почувствовала сильную усталость, и мне отчаянно захотелось вернуться домой и отдохнуть.

Вместо этого я попросила кебмена отвезти меня к Ковент-Гардену и вышла на оживленном углу. Хотя у меня не было аппетита, я купила у уличного торговца печенье и лимонад и быстро перекусила, размышляя при этом, как быть дальше.

Немного побродив по улице, я нашла лавку мясника и приобрела у него большую бульонную кость, на которой оставалось довольно много аппетитного мяса и жира.

Обернув кость в коричневую бумагу, я спрятала ее в саквояж. Она поможет мне отвлечь мастифа, пока я перелезаю через ограду.

Что касается «ха-ха» — что ж, я уже усвоила этот урок несколько недель назад, когда решила залезть по отвесной стене дома и раз пять чудом не сорвалась вниз, прежде чем добралась до крыши, находиться на которой оказалось ничуть не безопаснее и с которой я затем упала на крышу теплицы, пробив стекло, — впро-

чем, сейчас не об этом¹. После той переделки, из которой мне повезло выйти целой и невредимой (нескольких синяков и царапин не считается), я купила длинную крепкую веревку и пообещала себе не выходить без нее ночью из дома. И сейчас она, аккуратно свернутая в моток, лежала в моем саквояже рядом с суповой костью.

Я наверняка придумаю, как с ее помощью перебраться через канаву.

А потом — я строила план на ходу, направляясь к станции метро, где собиралась сесть на поезд до рокового пункта назначения, — а потом останется только прокрасться в дом незамеченной, отыскать леди Сесилию, вызволить ее из запертой комнаты и забрать с собой.

Лишь бы все удалось.

* * *

Многим позже, когда все приличные люди уже легли спать, в окнах погас свет, а на улицах не осталось никого, кроме не-

---

¹ Эта история рассказывается в книге Нэнси Спрингер «Энола Холмс и таинственные букеты».

спешно патрулирующего район констебля, я подошла к нужной мне ограде из кованого железа — на этот раз со стороны каретного сарая. Там я достала из обертки суповую кость и бросила в щель между прутьями. Она упала ровно там, где надо — перед собачьей будкой. Я предполагала, что пес тут же выскочит, гавкнет раз-другой и, увидев лакомство, примется его грызть.

Однако мастиф не залаял, и его нигде не было видно. Газовый рожок над дверью горел, как и в прошлый раз — пустая трата денег! — и я все ждала, когда пес появится из теней.

Он не появлялся.

Хмм.

Неужели крепко спит в своем логове?

Я не верила такой удаче, но откладывать свой план не собиралась. На цыпочках добравшись до угла за каретным сараем, куда не попадало ни крупницы света, я повесила саквояж через плечо, подвязала юбку выше колен и перелезла через ограду.

Никакой конюх на меня не закричал. Никакой пес не залаял. Никто не поднял никакой тревоги.

Тишина не усыпляла мою бдительность, а, напротив, вселяла в душу страх. Слишком уж хорошо все складывалось. Как будто меня заманивали в ловушку.

Однако выбора не было: я не могла бросить леди Сесилию в беде.

Оставалось только придумать, как перебраться через «ха-ха».

Прежде чем выйти из тени, я опустилась на землю — благодаря проведенному за городом детству я знала, что так поступают браконьеры, чтобы их не заметили в открытом пространстве на запретной территории, — и подползла к краю канавы, прислушиваясь к каждому шороху и чуть ли не всем телом впитывая каждый звук.

Где-то вдали скрипели колеса и стучали копыта по мощенной булыжником мостовой, на ржавых петлях раскачивалась дверь уличной уборной, от легкого ветерка шуршала листва буков. Больше ничего не нарушало покоя ночи...

...пока кто-то не заговорил совсем рядом со мной. Сердце замерло у меня в груди.

— Пропади оно все пропадом, — ворчливо прошептал мужской голос. — Меня

поднимут на смех, — жаловался он сам себе, вероятно лишь для того, чтобы выпустить пар. — Как можно было не заметить такую по-детски простую преграду?!

Я поняла, что он говорит со дна канавы.

Голос его был мне знаком.

Разум мой еще наполняла тревога, и он не отошел от потрясения, но тело отреагировало быстрее. Оно расслабилось, и мурашки по коже уже не бегали. Оно не чувствовало страха и влекло меня вперед, к краю рва. Я заглянула туда и увидела дно земляной пропасти глубиной футов десять.

Попавшийся туда пленник зажег спичку, чтобы оценить сложившуюся ситуацию, и мне было отлично видно его черную одежду, черную кепку и измазанное сажей лицо. Несмотря на маскировку, я сразу его узнала. Это был мой брат Шерлок.

Глава девятая

ЧУВСТВА НАХЛЫНУЛИ НА МЕНЯ ВОЛНОЙ и, если бы я и так не лежала на земле, сшибли бы с ног, словно табун лошадей. Однако, признаюсь, одна эмоция все же сильно преобладала над другими: ликование.

Как пали великие!

Спичка Шерлока, догорев, обожгла ему пальцы. Он ее выронил, тихо выругавшись себе под нос, и я негромко произнесла в темноту:

— Позор!

Несмотря на то что огонек потух, я увидела, как он вздрогнул, и усмехнулась про себя.

— Кто там? — спросил Шерлок, подняв глаза.

— Тише, — прошептала я. Ликование сходило на нет, и мною постепенно овладевала тревога. — Разбудишь мастифа.

— Кто это? — Шерлок заговорил тише, но жестче. — Бриджит?¹

— Разве у меня ирландский акцент? — парировала я, лихорадочно размышляя, как помочь брату. — Что ты сделал с мастифом?

— Подал ему изысканную говядину со снотворным.

Он зажег еще одну спичку и поднял ее как можно выше, чтобы разглядеть меня, но на ноги не встал. Тут я заметила, что он снял правый ботинок, а его ступня выглядела опухшей, как будто у него растяжение или перелом.

Я испугалась за брата и тут же забыла обо всем:

— Тебе больно?

— Энола?! — воскликнул он, вероятно, наконец узнав меня — если не по скрытому в тени лицу, то по моему характерному голосу.

— Тише. Я тебя вытащу оттуда.

---

¹ Бриджит — распространенное ирландское имя.

Я уже сняла ремень саквояжа с плеча, но передумала и запустила руку в подушечку на груди.

— Энола, что же это такое, ты появляешься повсюду... — пробормотал брат.

— Скорее это вы с Майкрофтом вечно встаете у меня на пути, — перебила его я. — Вот, держи. — Я бросила ему длинный кусок бинта, а потом присовокупила к нему фляжку с виски. — Выпей, чтобы унять боль, и как можно туже забинтуй лодыжку. Вот ножницы.

— Спасибо, но мне достаточно моего карманного ножа. Больше ничего не требуется, уверяю тебя.

Спичка опять догорела, и я уже не видела лица Шерлока, но чувствовала его улыбку и, смею сказать, тепло в его голосе.

— У тебя что, в кармане припрятана лестница? — спросил он.

— Как же иначе.

Точнее, у меня в саквояже лежала веревка, и с ее помощью... Да, но кого же мне спасти первым — брата или несчастную леди Сесилию? Я чувствовала, что Шерлоку, в отличие от Майкрофта, можно до-

вериться, хоть мы и были с ним едва знакомы: я хотела объяснить ему, что сбежала, потому что боялась оказаться затянутой в корсет женской участи — буквально и фигурально, хотела попросить его не беспокоиться обо мне, а главное — хотела выведать у него, не нашел ли он в комнатах мамы в Фернделл-холле какого-нибудь адресованного мне послания. Когда еще выпадет возможность поговорить с братом, не переживая о том, что он лишит меня свободы! Однако времени у нас совсем не было, и от обиды мне хотелось плакать. Нет, объяснения подождут — куда важнее вызволить леди Сесилию из жестокого заключения.

Я отмахнулась от лишних мыслей и спросила:

— Тебя наняла леди Теодора?

— Откуда, черт меня возьми, тебе об этом известно?! — выпалил Шерлок.

Ответ, который невольно у него вырвался, подтвердил мои опасения: леди Теодора не одобряла желание мужа насильно выдать замуж их дочь.

— Так я и думала! — воскликнула я. — Я знала, что она никогда... такая любя-

щая мать никогда... — Тут меня пронзила страшная мысль. — Как же она смогла к тебе обратиться?

— Похоже, ты все знаешь, — проворчал Шерлок со дна канавы. Он бинтовал пострадавшую ногу и дышал тяжело и прерывисто. — Вот и скажи сама — как?

— Вероятно, сэр Юстас закрыл ее в комнатах. Не понимаю, как ей удалось...

— Размышляй логически.

— Очевидно, он разлучил мать и дочь и Сесилию заточил здесь — судя по тому, что ты пришел сюда...

— Как и ты, — прервал меня Шерлок.

— Вы о чем-то договорились? Леди Сесилия сегодня тебя ждет?

— А тебя? — язвительно спросил он.

Я поджала губы и сердито хмыкнула:

— Просто ответь, ладно? Вы с ней договорились?

Мгновение стояла тишина.

— Нет, — признал Шерлок. — Я не нашел способа с ней связаться. Энола...

— Однако ты уверен, что ее держат здесь?

— Это ни для кого не секрет. Ее каждый день вывозят на прогулку в ландо.

— Странно, — пробормотала я.

— Да, мне тоже кажется странным, что они идут на такой риск. Возможно, чтобы она не сбежала, ее привязывают к сиденью, а ремни прячут под одеждой, чтобы никто ничего не заподозрил?

— Да, но почему же тогда она не зовет на помощь?

— Господи, Энола, эта несчастная — дочь баронета, а не такой бесенок, как ты!

Бесенок? Значит, так он называет свободомыслящих, независимых девушек? Похоже, Шерлок совсем не знал леди Сесилию, если считал ее мягкой и покладистой.

— Дорогой брат, я сделаю вид, что не заметила твоего колкого замечания и невежества, — вежливо ответила я. — Поскольку ты явно пришел сюда освободить леди Сесилию, предлагаю объединить усилия — только если поклянешься честью не посягать на мою свободу.

— Объединить... Ты что, сошла со своего миниатюрного ума?!

Уязвленная, я выпалила:

— Разве это я сижу хромая в канаве?!

Боюсь, моя интонация его только распустила:

— Каким бы ни было мое затруднительное положение, тебе здесь не место. Иди домой — туда, где тебе и полагается быть.

Я подумала, что замечание крайне неблагородное и недостойно ответа, и молча открыла саквояж.

— К слову, Энола, у тебя же есть дом? — продолжил Шерлок на повышенных тонах. — Где ты живешь и как?

Не обращая на него внимания, я вытащила веревку и мысленно перечислила, что там еще осталось: железные щипцы — их можно вогнать в землю, предварительно привязав к ним веревку, чугунный молоток для отбивания мяса, обломанный молоток для крокета и несколько других инструментов. Я взвесила саквояж в руке. Достаточно тяжелый.

— О тебе заботится какой-нибудь взрослый и ответственный человек, достойный уважения?

Я закрыла саквояж и, привязав один конец веревки к ручке, разложила веревку

по земле, прикрепив другой конец к поясу так, чтобы ее не потерять, но в случае чего иметь возможность быстро от нее избавиться.

— Если нет — значит, сказать, что ты в безопасности, нельзя. Любая одинокая девушка — магнит для преступников.

Я развернулась к нему спиной и пошла к ближайшему дереву; веревка тянулась за мной, будто хвост — точнее, два хвоста, поскольку один конец был привязан к сак-вояжу, а второй волочился по земле. Обхватив ствол, я полезла наверх.

Мне пришлось напрячь каждую мышцу, каждую клеточку тела. Вzbираться по буку сложнее всего, потому что это ровные и слишком высокие деревья, а их серебристая кора гладкая и блестящая, как атласная ткань. Лишь отчаянная необходимость — и, признаюсь, упрямая гордость, желание показать великому Шерлоку Холмсу, кто тут нуждается в помощи, — толкали меня на эту крайность.

Стиснув зубы и сдерживая вертящиеся на языке ругательства, я карабкалась по стволу, то и дело сползая вниз, несмотря

на все мои усилия, искренне жалея, что в моих венах недостаточно обезьяньей крови — а ведь приматы, по Дарвину, были моими предками! — и цепляясь за дерево голыми руками и подошвами сапожек. Если бы только я умела обхватывать ствол ступнями как шимпанзе! И все же я не сдавалась, хотя все тело ныло от чрезмерного напряжения, и, очутившись в футах двадцати над землей, наконец осмелилась взглянуть вниз. Хотя я и не видела отсюда дно канавы, мой брат меня наверняка видел...

И вот в этот момент триумфа я врезалась во что-то макушкой.

В металл.

Что за, дьявол побери...

Я посмотрела наверх и обнаружила, что препятствие и правда дьявольское. Кто-то установил под самой кроной, там, где ствол начинает разветвляться, стальной круг, каким обычно загораживают от белок птичьи кормушки — только в разы больше.

Неудивительно, что злодеи, живущие в этом доме, могли спать спокойно, если на нависающих над канавой буках стояли та-

кие препятствия! Дальше мне было никак не забраться.

Признаюсь, тут я позволила себе тихо выругаться, поскольку перед тем, как спустить веревку, надеялась укрыться в листе.

Вот черт! Черт в грязных бриджах! Черт с жирными прыгучими блохами!

Однако я не собиралась признавать поражение. Не теряя время, я вцепилась в ствол тремя конечностями, а свободной рукой отвязала от пояса веревку и начала подтягивать саквояж к себе. Мне приходилось помогать себе зубами, и я боялась думать о том, что будет, если веревка выскользнет у меня из руки. Все мое тело дрожало, и силы начинали меня покидать. Я оказалась в серьезной опасности. Прошла целая вечность, прежде чем саквояж очутился в нескольких футах от меня. Я понимала, что больше не могу удержаться на буке и мой прицел должен быть идеальным, поскольку второй шанс вряд ли представится.

Поглядывая на толстый сук, указывающий нужное направление, я размахнулась,

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

примерившись так, чтобы саквояж описал дугу в воздухе, и повторила это еще раз и еще, чтобы убедиться наверняка...

Саквояж полетел с неуклюжестью курицы, завис в воздухе будто хищная птица — и упал...

Да!

Ох, слава богу! Вербка легла на сук.

Теперь оставалось только поправить саквояж, чтобы он прочно застрял между ветвями и мог выдержать мой вес.

А я уже начинала медленно соскальзывать со ствола.

Цепляясь за бук одной рукой так, будто от этого зависела моя жизнь, я потянула веревку на себя — и саквояж покачнулся...

Впервые в жизни я исчерпала все свои силы, и мне отнюдь не хотелось повторять этот подвиг: не слушаясь меня, рука и ноги отпустили ствол, и я беспомощно рухнула вниз.

Глава десятая

МНЕ НЕВЫНОСИМО ХОТЕЛОСЬ ЗАКРИЧАТЬ, и в сложившейся ситуации у меня был к тому веский повод, однако мой визг мог привлечь нежелательное внимание обитателей готического особняка.

Я чудом совлада с собой и лишь тихонько пискнула.

Кроме того — вероятно, благодаря приливу адреналина, а вовсе не торжеству разума, — я, к счастью, не отпустила веревку.

Всего через мгновение — мне казалось, что оно тянулось мучительно долго, но на деле прошло не больше того времени, за которое испуганное сердце успевает тревожно сжаться, — то есть почти сразу же,

эта спасительная «соломинка» удержала меня от падения. Саквояж плотно сидел между ветвями, а я раскачивалась над канавой, обеими руками сжимая веревку.

Правда, сил у меня уже не оставалось, и я неумолимо скользила вниз.

Впрочем, даже в таком положении можно менять направление, подаваясь вперед, назад или вбок. Мне удалось приземлиться, не отпуская веревку, и со стороны наверняка казалось, будто у меня все под контролем. Не слишком сильно удравшись о землю, я упала ровно туда, куда мне было нужно: по другую сторону злощастной канавы.

— Энола, что, позволь узнать, ты вытворяешь?! — прошептал Шерлок положительно взрывным тоном (да, уверяю вас, такое возможно) со дна канавы.

— Разве... не... очевидно? — выдохнула я. Ведь ясно же, что я перебралась через «ха-ха» и, когда переведу дыхание, направлюсь к дому.

— Очевидно лишь то, что наша мать родила амазонку, — отозвался Шерлок, и в голосе его слышались потрясение

и (надеюсь, мне это не показалось) восхищение. — Почему ты не сказала, что у тебя есть веревка?! Скорее привяжи ее к чему-нибудь надежному и брось мне другой конец, чтобы я мог выбраться из этой проклятой канавы.

Меня не впечатлил его повелительный тон, призывающий к немедленному и беспрекословному подчинению. Я промолчала — опять же не благодаря торжеству разума, а лишь потому, что окончательно выдохлась.

— Энола, веревку!

— Нет уж, — сухо отозвалась я, когда дыхание у меня выровнялось. — Может, потом, когда вернусь.

— Что?! Откуда?!

— Из дома — после того как отыщу и, если повезет, вызволю из заточения бедную леди Сесилию. Ты, случайно, не знаешь, в какой комнате ее держат?

— В самой неприступной, под крышей северной башни. — Видимо, этим он надеялся отбить у меня желание немедленно помчаться на помощь несчастной левше, но когда я поднялась и отряхнула юбку,

понял, что вместо этого бросил мне заманчивый вызов, который я не могла не принять. — Энола, у тебя не получится!

— Может, и не получится, — признала я, — но попробовать стоит.

— Это невозможно!

— Почему? Ты же этим и собирался заняться, пока не рухнул как дурак в канаву. Как же ты думал спасти леди Сесилию?

— Помоги мне выбраться — и, возможно, я тебе расскажу.

— Только если кое-что мне пообещаешь, — ответила я мягким, в отличие от него, тоном.

— Что?

— Поклянись честью, что не тронешь меня, не попытаешься поймать и лишить свободы.

Тишина.

Добрый знак — Шерлок Холмс не даст обещания, которого не сможет сдержать. Если уж дал слово — он от него не отступится. Есть ли шанс — хоть малейший — наладить отношения и завязать дружбу с братом? Сердце вдруг затрепетало, словно крылья бабочки, только что вылетевшей

из кокона. Да, оно стучало так громко, что я будто слышала...

...свое сердцебиение?

Я вовремя поняла, что это не так.

Это были шаги в ночной тишине.

За мной, чуть в стороне.

Кто-то вышел из дома.

И стремительно к нам приближался.

* * *

Я среагировала мгновенно, но, признаю, необдуманно: бросила Шерлоку веревку и прошептала:

— Тсс! Пока не вылезай.

Веревка, свисающая с дерева, в крошечной тьме была почти незаметна. За брата можно было не беспокоиться. А вот где, скажите на милость, найти укрытие мне? Не придумав ничего лучше, я распласталась на земле.

— ...не нравится мне это, говорю тебе, — раздался глубокий грубый голос — голос того самого здоровяка, который напугал меня, когда я изображала сборщицу мусора, и который привел сироток в дом

виконтессы Инглторп. — Люцифер молчит уже час.

— Вы меня разбудили потому, что пес не лает?! — ответил ему второй, тоже мужской, но по-детски капризный голос. — Право, отец!

— Не ной, Брамсуэлл. Мы же принимаем все эти меры предосторожности ради тебя.

Брамсуэлл.

Сын и наследник барона Мергансера.

И сам барон, кем и являлся, очевидно, жуткий здоровяк.

Словно замороженная, я в ужасе наблюдала, как они выходят из-за буков — с увесистыми на вид тростями в качестве оружия. Брамсуэлл был крупным, весь в отца, но больше напоминал не мастифа, а жабу.

Его лицо, которое я разглядела в свете газового рожка, тоже было жабым. Неудивительно, что он не смог добыть себе невесту более достойным способом.

Отец с сыном подошли к будке, и барон тут же заревел:

— Видишь?! Его кто-то подкармливал! — Он широким жестом указал на

суповую кость, которую я бросила через ограду. — Его отравили!

— Да нет, никто вашего драгоценного Люцифера не травил. Неужели не слышите, как он храпит? Пес всего лишь уснул.

Они оба стояли ко мне спиной, и я воспользовалась этим, чтобы бесшумно отползти в сторону, будто ящерица, хвостом вперед ускользящая под камень.

— И я тоже мог бы сейчас спать, — с обидой добавил Браммуэлл.

— Не будь ослом! Яд, снотворное — какая разница! Вывод один — кто-то пытается сюда пробраться!

— И что?

— Кто-то сует нос в наши дела!

— Ну и пускай. Даже если они и попадут в башню, их там ждет просто помощник конюха, переодетый в девчонку.

— Заткни рот! — прогремел барон так яростно, что внутри у меня все сжалось. Он резко развернулся к Браммуэллу, словно собираясь его ударить, но вместо этого лишь проворчал: — Об этом больше ни слова, понял? Отвечай!

— Да, отец, — послушно отозвался Браммуэлл.

— Возьмем револьверы и обыщем участок. За мной!

— Да, отец, — проямлил Браммуэлл и последовал за ним к дому.

В ту же минуту я краем глаза уловила какое-то движение: это Шерлок карабкался по веревке — ловко, как моряк. Он выбрался из канавы на противоположной стороне, рядом с оградой.

Очевидно, он — как и я — понял, что в башне леди Сесилию не найти, и принял вполне разумное решение: бежать. Отлично. Мне отчаянно хотелось последовать его примеру, но я лежала, распластавшись на земле, за стволом бука и ждала, пока Шерлок уйдет, поскольку этот хитрый лис представлял для меня не меньшую опасность, чем гневный барон и его неприятный сынок.

Шерлок встал на ноги — точнее, на одну ногу, так как вторую он держал на весу. Белый бинт, которым я его снабдила, ярко выделялся в ночи. Шерлок сильно хромал, и ему следовало скрыться как можно скорее.

Естественно, я ожидала, что он похромает к ограде. Не медля ни секунды.

Но вместо этого Шерлок, балансируя на одной ноге, огляделся и приглушенно выкрикнул:

— Энола!

Проклятье! Я стиснула кулаки от отчаяния. Ну почему он не оставит меня в покое?! Впрочем, признаюсь, сердце у меня сладко затрепетало.

— Энола, иди сюда! Я без тебя не уйду!

Было видно, что он не шутит. И почему я сразу не поняла, что мой брат поступит как истинный джентльмен — то есть совершенно неразумно?!

Бормоча себе под нос самые кошмарные ругательства, какие только приходили на ум, я поднялась, развязала узлы на юбке — понимаю, не время было приводить себя в порядок, но мне не хотелось предстать перед братом с голыми коленками — и, обуреваемая самыми различными эмоциями, побежала к канаве. Мятая юбка твидового костюма упала на голени и лодыжки.

Я смотрела на Шерлока, вглядываясь в каждый миллиметр его лица. Он же на

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

меня едва взглянул — только бросил мне веревку и прошептал:

— Энола, быстрее!

Я схватилась за нее и на мгновение замерла, ожидая от брата какого-нибудь жеста, знака... ведь он так и не дал мне обещания. И, похоже, не собирался его давать. Однако на его словно высеченном из мрамора лице читался призыв довериться ему — пусть ненадолго, лишь на один час одной ночи.

— Чтоб тебе пусто было, Шерлок Холмс! — проворчала я, принимая его вызов. Я схватилась за веревку, свисающую с ветвей бука, с легкостью перемахнула через канаву и приземлилась возле брата.

Глава одиннадцатая

КАЖЕТСЯ, я оказалась к ШЕРЛОКУ слишком близко — и тут же поспешно отшатнулась. К счастью, во мраке ночи не было заметно, как мои щеки покраснели от смущения. Я побежала к ограде и начала по ней карабкаться, не выпуская из рук веревку.

Шерлок, ковыляя за мной, прошептал:

— Брось ты эту несчастную веревку!

Не удостоив его ответом, я взяла веревку в зубы, чтобы подобрать юбку, которая мешала лезть по железной ограде. И с чего бы мне ее бросать? Как иначе Шерлок перелезет на другую сторону с больной ногой? Добравшись до зубцов, я закрепила веревку за один из них и бросила другой конец брату.

Думаете, он меня поблагодарил? Ничего подобного!

— Мне это не потребуется, — гордо заявил он.

— Стоять! — прогремел голос барона со стороны готического особняка. В ту же секунду еще громче его прогремел выстрел. — Стойте, воры! — Он пальнул еще раз, и я услышала, как пуля со звоном врезалась в металлический столб ограды, совсем неподалеку.

Разумеется, меня это не задержало, а, наоборот, подогнало, и я быстро спрыгнула на землю. Шерлок тоже ловко перебрался через ограду, успешно воспользовавшись веревкой, которая ему якобы «не потребуется». Все происходило так быстро, что смешалось у меня в памяти, и к тому времени, как раздался третий — или уже четвертый? — выстрел, мой брат уже спускался с ограды со стороны улицы. Барон и его писклявый сынок с криками бежали к нам, и, когда громыхнули еще два выстрела, Шерлок вдруг упал.

— Нет!

Надеюсь, мне никогда больше не придется испытать такой страх и отчаяние,

как в ту минуту, когда я бросилась к нему, опасаясь, что он задет, ранен или даже — страшно подумать — убит!..

К счастью, мои опасения не подтвердились. Шерлок был цел, и не успела я к нему потянуться, как он пошевелился, тщетно пытаясь встать. Я взяла его за руку и помогла ему подняться.

— Обопрись на меня, — сказала я и чуть ли не потащила его на себе подальше от дома Мергансеров. Хорошо, что при таком высоком росте весил он немного. — Скорее. Сюда. — Я повела его по тропинке за соседним участком, которую обнаружила во время ночных походов. — Ты сильно ранен?

— Пострадала только моя гордость. Я поскользнулся.

Но он так тяжело дышал, что верилось в это с трудом.

— Тебя не подстрелили?

— Из револьвера? С такого расстояния? Это было бы смешно. Им следовало бы сначала подойти поближе.

К нему вернулась его обычная заносчивость. Можно было вздохнуть с облегчением.

— Хорошо, что тебе так повезло.

— Везение тут ни при чем. Ты только послушай этих невежд!

Пока мы пролезали через дыру в чем-то заборе, огибали пустой коровий сарай и крались в тени заброшенной маслобойни, вслед нам лился поток страшных ругательств. Шерлок опирался на мое плечо и еле передвигал ноги.

— Остановись на минуту, — прошептал он, тяжело дыша. — Слышишь?

Он замер, но я поспешила дальше и в результате оставила его позади. Не успела я пройти и нескольких шагов, как к лаю барона и его сына прибавились восклицания констебля с сильным ирландским акцентом:

— Ну хватит, хватит, что вы будите добрый люд! Воры, конечно, негодяи — да только они уже сделали ноги.

В ответ раздались рыки, ворчание и злая ругань.

— Ежели вам так того хочется — стреляйте на здоровье на своем участке, а вот на улице палить не вздумайте.

Опять рычание и ворчание.

— Ничего ж плохого не стряслось: вон, какую веревку добротную вам оставили! Ну-ну, идите-ка назад в дом. С утра напишете жалобу. Да, конечно, буду их выглядывать.

В полной тишине мы прислушивались к его шагам, пока они не стихли вдали.

— «Сделали ноги»?! — передразнила я констебля. — Если бы!

— Ты беги, Энола, — прошептал Шерлок. — Со мной все будет в порядке.

Что?! Неужели он вот так просто меня отпускал?! Казалось бы, я должна была испытать чувство благодарности и порадоваться его словам. Однако они, напротив, вызвали у меня раздражение:

— А как же омерзительный барон и его похожий на жабу сын?!

— Думаю, можно с уверенностью заявить, что они отступили в дом, — ответил Шерлок, опираясь на каменную плиту, на которой раньше, вероятно, формировали сыр и масло. Я едва могла разглядеть его в темноте. — Они не посмеют перечить констеблю — не рискнут привлечь к себе лишнее внимание.

Я фыркнула (признаюсь, совсем как лошадь):

— Я не об этом. Где они держат пленницу? Очевидно, в ландо на прогулки вывозят переодетого помощника конюха. Для виду. А куда же спрятали настоящую Сесилию?

Последовала долгая пауза, и я пожалела, что не вижу лица брата. Наконец он медленно произнес:

— Похоже, меня обвели вокруг пальца и на самом деле я не видел достопочтенную Сесилию в Лондоне.

— Я видела.

— Что?! Когда?! Где?!

— На прошлой неделе, в... возле Британского музея. Тогда я попыталась последовать за ней, и мне пришлось ударить Майкрофта...

— Что-о?!

— Наш старший брат меня поймал, и я пнула его ботинком в голень, чтобы сбежать. Он тебе не рассказывал?

Видимо, нет — иначе почему Шерлок согнулся пополам от смеха? Он смеялся почти беззвучно, но от души, покачиваясь

взад-вперед и держась за каменную плиту, чтобы не упасть. Казалось, он на грани истерики. Я решила, что надо как можно скорее увести его отсюда, и как только он успокоился — надеюсь, достаточно, чтобы рассуждать здраво, — сказала:

— Пойдем, я отведу тебя домой.

Или лучше сразу к доктору Ватсону?

Шерлок выпрямился, все еще посмеиваясь:

— Меня ждет кеб на углу Боарсхед и Оакли-стрит.

Вот как? Отлично.

— Я могу провести тебя к нему коротким путем.

— Обходным?

— Да, там нам вряд ли встретится констебль.

— Прекрасно. — Шерлок сделал шаг вперед, необдуманно перенеся вес на больную ногу, и поморщился: — Пожалуйста, Энола, не могла бы ты снова подставить мне плечо?

Я замерла на месте и всмотрелась в его лицо. В минуту опасности я не колеблясь бросилась ему на помощь — но можно

ли довериться ему сейчас? Мой брат был очень умен и вполне мог неожиданно нацепить на меня наручники.

— Конечно, если не хочешь, — продолжил он, правильно истолковав мое молчание, — можешь найти для меня палку или трость, если тебе не сложно.

На этих словах его голос дрогнул, словно в нем потушили невидимый огонек, и оборвался, как жизнь бабочки, попавшей под ботинок. Пропала некая искра, которой я не замечала, пока она не исчезла.

И я не смела дать этому чувству название.

Однако сердце у меня болезненно затрепетало, и, несмотря на все свои разумные сомнения, я подошла к Шерлоку и позволила ему положить руку мне на плечо.

Глава двенадцатая

В полной тишине, стараясь никому не показываться на глаза, мы с Шерлоком пробирались по переулкам за домами, через задние дворы, по подъездным дорожкам для экипажей, где на нас лаяли сонные сторожевые собаки, через живые изгороди и скрипучие ворота — и наконец прокрались под чьими-то темными окнами, чтобы выйти на Оакли-стрит. Там на углу стоял крепкий четырехколесный экипаж, под нимбом света от фонаря похожий на небесную колесницу.

Только тогда Шерлок заговорил и ответил на вопрос, который я не задавала:

— Энола, я не имел бы права называться джентльменом, если бы сердечно не побла-

годарил тебя и не отпустил на все четыре стороны.

У меня словно выросли крылья.

— Но только в этот раз.

Как же, крылья — их тут же подрезали! Конечно, следовало этого ожидать, но я надеялась... впрочем, не важно. Нет, все же я испытала горькое разочарование.

— Почему, позволь узнать, ты не оставишь меня в покое?! — горячо воскликнула я. — Неужели не понимаешь...

— Милая сестра, я искренне восхищен твоими замечательными способностями, однако моя обязанность — думать о твоём будущем. Как ты выйдешь замуж, если продолжишь вести себя столь неподобающим образом?

Разумеется, он имел в виду, что никто не возьмет в жены девчонку, которая лазает по деревьям и перелетает на веревках через канавы.

— Ну и что с того? — огрызнулась я. Никто прежде не проявлял ко мне теплых чувств — так какая разница, изменится это когда-нибудь или нет? Признаюсь, правда,

что говорила я с горечью. — Я привыкла быть одна.

— Но Энола, ты же не хочешь остаться старой девой?! — И это говорит убежденный холостяк! — Мир полон опасностей. Любая женщина нуждается в защитнике.

Забавно слышать это от человека, который хромает на одну ногу и с каждым шагом все сильнее опирается на мое плечо.

— Чушь! — отрезала я. — Если скажешь еще какую-нибудь подобную глупость, я пну тебя в больную ногу.

— Энола! Ты не посмеешь!

— Ты прав, — кивнула я. — Лучше пнуть здоровую, чтобы и ее покалечить.

— Энола! — возмутился он. Видимо, поверил мне на слово.

— Больше ни слова о твоём так называемом долге, — ответила я. — Разве не от брака, разве не от, как ты выражаешься, «защитника» ты надеешься спасти леди Сесилию? И как, позволь узнать? — Тишина. — Ты можешь выяснить, где ее держат?

— Какой же я был слепец: думал, что она в том доме... — пробормотал Шерлок, не ответив на мой вопрос. — Вместо того чтобы подмамливать горничную...

— А! Так вот кто такая Бриджит.

Он поморщился:

— От нее я почти ничего не узнал. Лучше бы попробовал следить за отъезжающими экипажами — даже если бы пришлось прицепиться...

— Не с твоей больной ногой...

— Я прекрасно об этом помню, благодарю! — грубо оборвал меня Шерлок. Он прислонился к столбу чьих-то ворот и посмотрел на меня. — Энола, ты не могла бы поделиться со мной тем, что тебе известно об этом деле?

Я обрадовалась возможности побыть с братом еще несколько минут, но виду не подала:

— Только в обмен на то, что знаешь ты. Леди Теодора свободно может с тобой связываться?

— Да, хотя причина тому печальная. Вследствие разногласий между супругами касательно брака их дочери леди Теодора

втайне уехала от сэра Юстаса и вместе с оставшимися детьми вернулась в родовое поместье за городом.

Узнав от брата название и местонахождение поместья, я в подробностях описала ему свою случайную встречу с Сесилией Алистер, скрыв лишь то, что произошла она в дамской комнате, — не только из-за смущения, но и для того, чтобы и далее пользоваться этим заведением, не тревожась о том, что у входа меня могут перехватить братья. Я лишь сказала, что это было «общественное место». Зато о суровых спутницах несчастной, о неудобной юбке, осунувшемся лице девушки и о том, что леди Сесилия меня узнала, я поведала, ничего не утаив. Я рассказала, как она дала мне знак с помощью своего удивительно непримечательного веера, как умело его мне подбросила и что написала на розовой бумаге.

— Ее сопровождали виконтесса Инглторп и баронесса Мергансер, — сообщила я.

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно.

Он не стал спрашивать, откуда мне это известно.

— Выходит, леди Сесилия в их лапах и положение ее хуже некуда. Проклятье!

Шерлок прошел несколько шагов, пошатнулся и снова оперся о мое плечо.

— Но должны же быть пределы их подлости, — с надеждой произнесла я. — Они могут заставить ее подойти к алтарю, но в момент истины никто не сумеет принудить ее ответить «Да».

— Энола, почему ты считаешь, что она так же упряма, как ты? — По его голосу сложно было понять, смеется он надо мной или делает своего рода комплимент. — Кому как не тебе знать, что ей более свойственна покладистость? Ведь именно ты спасла ее от гипнотизера. Леди Сесилия уже показала, что склонна прогибаться под людей с сильным характером. Ею легко управлять. По словам леди Теодоры, после эпизода с похищением Сесилия стала сама не своя и начала вести себя непоследовательно.

— Конечно, — пробормотала я, предпочитая не объяснять брату, что жестоко

переученная левша сочетает в себе две личности — послушной благородной дочери и умной бунтарки с твердыми политическими убеждениями — и что было бы в высшей степени несправедливо заключить такую девушку в тюрьму брака по принуждению.

— Судя по тому, что я о ней слышал, — продолжил Шерлок, — боюсь, если я и доберусь до несчастной, она примет меня за преступника и именно тогда решит поднять шум.

Глупости. Впрочем, я и здесь воздержалась от замечаний — только спросила:

— Ты надеешься ее найти, хотя она может оказаться в любом уголке Лондона?

— Надежда здесь ни при чем. Я обязан ее отыскать, пускай даже она и примет меня за похитителя!

— Не примет. Покажи ей вот это. — Я выудила из саквояжа бумажный веер с розовыми перьями.

Шерлок издал странный звук, похожий на полуночный крик коростеля, и резко остановился:

— Это... это тот самый?..

— Нет, но точно такой же. — Я передала ему безделушку, которую раздобыла на Гиллиглейд. — Если ты покажешь его леди Сесилии, она поймет, что ты ей не враг.

Шерлок убрал веер в карман и поблагодарил меня, хоть в голосе его и сквозило сомнение:

— Уверен, с таким аксессуаром я буду выглядеть очаровательно.

Я закатила глаза:

— А что, есть более удачные идеи?

— Пока нет.

— У меня тоже.

Мы почти дошли до кеба, когда я замедлила шаг и сказала:

— Уверена, дальше ты справишься сам. Здесь мы с тобой попрощаемся.

Мне не хотелось выходить под свет газового фонаря, потому что там Шерлок мог увидеть все детали моей маскировки. Больше меня ничего не тревожило. Я напрочь забыла о том, что он мог схватить меня и силой запихнуть в кеб.

Как ни странно, о своих страхах я вспомнила лишь тогда, когда он убрал руку с мо-

его плеча и отошел в сторону. Брат был выше меня и намного сильнее.

А еще — в моих глазах — он был очень красивым, и я залюбовалась тем, как отблески света играли на его острых чертах.

— Энола, как ты смотришь на то, чтобы поехать со мной и обсудить это дело за чашечкой чая?

Он заманивал меня, как паук заманивает муху в паутину. Нет, так думать нечестно: Шерлок Холмс дал слово и не стал бы меня обманывать — так почему бы не провести с ним час-другой?

Я ощутила странное покалывание в сердце, и внезапно меня озарило: я боялась не самого Шерлока, а своих теплых чувств к нему. Еще несколько часов в компании брата — и уйти окажется выше моих сил. А потом наступит утро, и меня поймут в паутину.

— В другой раз, спасибо, — чуть ли не с ужасом ответила я.

— Другого раза не будет. Свадьба через два дня.

О черт!

— Что?! — вскрикнула я и уже спокойнее добавила: — Где она пройдет?

— В том-то и дело. Я не знаю. — О воющий черт! — Все, что удалось узнать от Бриджит — это что они намерены провести церемонию в тихой укромной часовне. — О черт с мозолями и наростами! — Уверена, что не поедешь со мной, Энола? — еще раз предложил Шерлок.

Меня все еще обуревали эмоции. Я энергично помотала головой:

— Мне надо подумать, побыть одной.

— Понимаю. Что ж, в таком случае мне остается только от души поблагодарить тебя за помощь. — Он протянул мне руку для рукопожатия.

Или для того, чтобы схватить меня? Неужели думал, что я такая наивная?

И все же мне не хотелось его оскорбить, и я взяла руку брата, облаченную в перчатку. Моя, прямо скажем, лапа была грязной и в крови — я стерла кожу на ладонях, когда карабкалась по стволу бука. Как только мне показалось, что рукопожатие затягивается, я ее отняла.

НЭНСИ СПРИНГЕР

— Моя милая пугливая сестра, — насмешливо и как будто печально произнес Шерлок, — ты напоминаешь мне дикого пони с вересковых пустошей. Что ж — до встречи.

И он, прихрамывая, ушел.

Глава тринадцатая

Я ИЗБАВЛЮ ЛЮБЕЗНОГО ЧИТАТЕЛЯ ОТ подробного пересказа дальнейших событий той ночи. Скажу лишь, что после того, как я проводила глазами кеб моего брата, на меня нахлынула волна неожиданных и сильных эмоций, словно внутри меня взорвался Везувий, и всю дорогу до Ист-Энда я безутешно рыдала, а оказавшись в своей постели, почувствовала себя настолько изможденной, что заснула сразу, как только голова моя коснулась подушки. А утром снова расплакалась и не смогла спуститься к завтраку. Смысла одеваться не было, и я осталась в ночной сорочке. Затем меня одолел внезапный страх: вдруг Шерлок проследил за мной до

пансиона?! Я резко поднялась с кровати и, дрожа от ужаса, выглянула в окно. Шерлока там, разумеется, не было — к моему, как ни странно это прозвучит, разочарованию.

Бессвязные мысли носились в голове, словно перепуганные куропатки: ночная вылазка ни к чему не привела; я не могу спасти беззащитную леди Сесилию; не может прийти к ней на выручку и Шерлок с больной — надеюсь, все же не сломанной — ногой... Интересно, обратился ли он к доктору Ватсону, чтобы тот его осмотрел, и почему брат не взял Ватсона с собой, отправляясь к дому Мергансеров? И где злодеи держат бедную жертву? И где сейчас моя мать и не угрожает ли ей опасность?.. Не думай о маме! Успел ли Шерлок поговорить с Майкрофтом? Майкрофт, чтобы ему пусто было, не постесняется сообщить Шерлоку название «общественного места». Придется держаться как можно дальше от первой Общественной дамской комнаты Лондона и не надевать больше костюм ученой, в котором он меня видел. После ка-

ждой новой встречи с кем-либо из братьев у меня оставалось все меньше вариантов маскировки. Теперь я вынуждена была избавиться и от твидового костюма: Шерлок мог его запомнить. Мама оставила в Фернделл-холле свой твидовый костюм... нет, ну почему я опять думаю о маме?! Лучше бы моим законным опекуном был не Майкрофт, а Шерлок: мне казалось, что он проявлял ко мне больше понимания и сочувствия... Нет. Никому из них доверять нельзя.

Многое ли узнал обо мне Шерлок прошедшей ночью? Слишком многое; какая же я глупая, зачем провела с ним столько времени! Теперь ему было очевидно, что я держу при себе разные полезные вещицы но видел ли он, где именно? Разглядел ли в темноте мою подозрительно пышную фигуру? Догадался ли о подкладках на грудь и бедра, о корсете? Помилуйте, мне что, опять искать себе новую личину?! Притвориться, например, гадалкой из цыганского табора лишь бы обвести его вокруг пальца?

И при этом мне очень хотелось снова с ним увидеться. Прогуляться по мощенной булыжником лондонской мостовой, поболтать о том о сем. Сколько вопросов крутилось у меня на языке! И почему я не задала их вчера! Слышал ли он вести из Фернделл-холла, нашего родового поместья, где мы оба выросли? Как дела у дворецкого Лэйна, у кухарки, миссис Лэйн, у их недалекого сына Дика, у более сообразительного колли Реджинальда? Как там деревенька Кайнфорд? Как поживают доктор Ватсон и миссис Ватсон, все ли хорошо у милой миссис Хадсон, хозяйки Шерлока, у которой он снимал комнаты и с которой я имела удовольствие познакомиться в тот день, когда выкрала у брата свою брошюрку с шифрами? И, раз уж речь зашла о брошюрке — дорогой брат, что ты нашел в Фернделл-холле, когда осматривал мамину комнату? Что мама спрятала для меня за зеркалом?

У меня сжалось сердце, переживания тут же забылись, и в груди снова все закипело с удивительной силой, словно там извергался вулкан. Мой ум терзал один-

единственный вопрос: оставила ли мама мне послание?

Казалось бы, вопрос совершенно непрактичный.

Однако для меня в этот момент не было ничего важнее: я наконец осознала, почему так и не начала поиски мамы.

Почему не решалась с ней увидеться.

И какой дочерью я была: одержимой страхом.

Конечно, я понимала, что небезразлична матери, но сомневалась, захочет ли она меня видеть...

Не будь трусихой, Энола. Скажи это вслух. Или хотя бы про себя.

Глупо ли верить, что мама меня любит?

Но если она все же оставила записку в зеркале...

Весь день я мучилась этим вопросом, и он заполнил мой разум, поглотив все остальные мысли, как кипящая лава поглотила Помпеи. Откладывать больше не было сил. Меня будто жгло изнутри. Казалось, жизнь потеряет смысл, если я не получу хоть какой-нибудь весточки от матери.

* * *

Видите ли, десять месяцев назад, когда мама внезапно пропала на мой четырнадцатый день рождения, она оставила мне самодельную брошюрку с шифрами. Некоторые из них я разгадала, и они привели меня к небольшим тайникам вроде набалдашников на кровати и картинных рам, где я нашла приличную сумму денег, с помощью которых мне удалось избежать заточения в частном пансионе и уехать в Лондон. К сожалению, в первый же день в столице один головорез отобрал у меня брошюрку, а потом она попала в руки к Шерлоку. Я проникла к нему в квартиру и выкрала свое сокровище, но вскоре обнаружила, что брат оставил на страницах карандашные пометки. Как выяснилось, он раскусил орешек, оказавшийся мне не по зубам, — шифр на той странице, где мама нарисовала трехцветные фиалки:

*CE UH OK KO OC PU EZ
PD WU OY NA MO BMEP JL
E K D K K O KO*

Венчики трехцветных фиалок напоминали милые личики; возможно, именно поэтому одним из значений этого цветка было «мысли». Мама ласково называла их «анютиными глазками», а мне казалось, что они похожи на эльфиек с убранными в тугие пучки волосами. Два более темных лепестка наверху ассоциировались с высокой прической, а три светлых — с бледными изящными чертами этих мудрых древних существ. Если бы я не стала мудрить, когда увидела этот шифр, а всего лишь представила бы себе личики фиалок, то с легкостью прочла бы мамино послание и поняла, как оно зашифровано:

СЕ	ЧЖ	ОЖ	ЖО	ОС	ДУ	ЕЗ	
ДД	ВУ	ОУ	ЛУ	МО	ВМ	ЕД	ЖЛ
Е	Ж	Д	Л	М	О	Ж	О

Если переписать буквы в три аккуратные строки, легко заметить, что они поделены на лепестки, как трехцветная фиалка — два, два и один, — только в последнем венчике их три: лицо эльфийки без изысканной

прически. Если прочитать каждую группу из пяти лепестков по очереди, разгадать шифр не составит труда:

*СЕРДЕЧНЫЙ ПОКОЙ ЭНОЛА ПО-
СМОТРИ В МОЕ ЗЕРКАЛО*

Мама спрятала что-то в дамском зеркальце или за коричневой бумагой, которая покрывала обратную сторону настенного зеркала.

Сердечный покой Энола.

Что это — доброе пожелание? Или всего лишь очередная отсылка к анютиным глазкам? Ведь букет трехцветных фиалок — символ сердечного покоя.

Или мама не случайно выбрала именно фиалки? И этот шифр должен был привести меня к тому, чего я жаждала больше всего и чего так и не получила, — к письму от матери, которое содержало в себе объяснения, прощальные слова или даже — смею ли я надеяться — слова любви?

Я больше не хотела ждать; пора было выяснить, что там скрывалось.

Как только во мне забурлила решимость, слезы высохли на щеках, и я перестала мерить шагами комнату. Все еще в ночной сорочке и босая, я села в кресло, положила себе на колени дощечку для письма, смахнула с нее исписанные листы бумаги, взяла чистый и задумалась над тем, какое сообщение отправлю в колонку объявлений «Пэлл-Мэлл газетт».

Вот что я нацарапала:

Мама, я так и не нашла того, что ты оставила мне в зеркале. Скажи, что там было?

Хмм. Длинновато для послания, которое придется зашифровать.

К тому же мне не хотелось, чтобы Шерлок или Майкрофт его прочли — а они могли разгадать любой мой шифр.

Кроме одного:

Моей Хризантеме: первая буква доброты, пятая буква чистоты, четвертая буква невинности, вторая буква восхищения, первая буква истинной любви, пятая буква верности и вторая или четвертая буква нежности.

Хризантема для меня обозначала маму, а с добротой на языке цветов ассоциировалась цинния, и сейчас мне пригодилась бы ее последняя буква: «Я». Из маргаритки — символа невинности — можно было взять восьмую букву, «Т». Из ландыша — «чистоты» — вторую, «А», а из василька — «простоты» — последнюю, «К». Получалось, что только самое начало послания — «Мама, я так» — выглядело следующим образом:

Моей Хризантеме: шестая буква доброты, восьмая буква невинности, вторая буква чистоты, седьмая буква простоты.

Нет, так дело не пойдет. Получится слишком длинно, заковыристо и — хоть я и старалась подбирать цветы только с одним значением — ненадежно: смысл может исказиться.

Я смяла бумажку и отбросила ее в сторону. Какое-то время я хмуро сверлила глазами пустой лист, пока не вспомнила, как написала мне в последний раз мама: простым английским языком, но с завуалированным смыслом.

После нескольких минут раздумий я улыбнулась и предприняла еще одну попытку:

Нарцисс цвел в воде,
Хризантема — в стекле.
Лиана так и не нашла,
Что Ирис принесла.

Отлично! Тоже своего рода загадка — просто чепуховое стихотворение о цветах. Нарциссом звали греческого юношу, который влюбился в себя, увидев свое отражение в воде, и которого боги превратили в цветок с таким же названием. Зеркала у него не было, но хризантема, то есть моя мама, мать, цвела в стекле — стекле зеркала. Лиана, разумеется, означала меня, и я не смогла найти ирис — цветок, получивший свое название в честь богини Ириды, по-гречески Ирис, которая переносила послания между Олимпом и Землей по радужному мосту. Мама должна была понять, что я имею в виду «послание в стекле».

На душе у меня стало на порядок легче, и я аккуратно переписала четверостишие на отдельные листки для «Пэлл-Мэлл га-

зетт» и других газет, которые нравились маме. Я еще не умылась, не поела и не оделась, но можно будет отправить их дневной почтой: так письма с объявлениями быстрее попадут на Флит-стрит. Надо только наклеить марки.

В поисках марок я нетерпеливо отбросила в сторону листы, которые до этого смахнула на пол...

И вдруг кое-что попало мне на глаза.

Список, который я составила... Позвольте, только вчера? А такое чувство, будто неделю назад.

Ее покровительницы – высокомерные и заносчивые, в дорогих нарядах, явно благородного происхождения

Их властный тон подразумевает некоторую родственную связь

Они одели свою подопечную в желто-зеленое; не принадлежат ли они к «эстетическому движению»?

Сесилия и ее спутницы сели в экипаж, номер _____

Скорее всего, веер ей подарили на розовом чаепитии – возможно, у виконтессы Инглторп?

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

На мгновение я застыла посреди комнаты подобно соляному столпу. А затем выкрикнула, в отчаянии заломив руки:

— Будь я проклята! Ну и дура!

Как можно было потратить все утро на бесплодные размышления?! Нет, пора возвращаться к расследованию.

Тем более что я наконец поняла, от кого можно узнать, где держат несчастную Сесилию.

Глава четырнадцатая

МНЕ СЛЕДОВАЛО ПРОЯВИТЬ ВЕЛИЧАЙШУЮ осторожность — иными словами, выбрать наиболее изощренную маскировку, поскольку я намеревалась отправиться в крайне опасное место.

Туда, где меня могли узнать.

А вдруг я все же не сумею...

Никаких «а вдруг», Энола. Одевайся.

Сказать легче, чем сделать. Мне предстояло надеть на себя личину леди, для чего мне требовались тонкая нижняя рубашка из хорошей льняной ткани и такие же панталоны, чтобы корсет не слишком врезался в кожу; конечно, сам корсет из плотного хлопка и стальных пластин (разумеется, не слишком туго затянутый, но

чтобы мог поддержать все мои подушечки и подкладки, которые дарили мне фигуру «песочные часы» и служили для хранения полезных вещиц и припасов); мягкий чехол на корсет; несколько шелковых нижних юбок; платье для прогулок — лазурное, с полутурнюром и с рюшами, дополненное легким жакетом — в таких дамы обычно ходят за покупками; шляпка в тон платью, носовой платочек с вышивкой, перчатки, гамаши на сапожки, собственно, мои лучшие сапожки и, само собой, зонтик. Весить все мое «обмундирование» будет фунтов пятнадцать, не меньше.

И это еще не все.

Я должна была стать не просто леди, а настоящей красавицей, чтобы никто и ни за что не узнал во мне Энолу.

Для этого следовало убрать волосы — еще одну деталь внешности, которую мне не повезло разделить с Шерлоком, поскольку выглядели они печально и тускло, напоминая по цвету сухую древесную кору, — на макушку и закрепить невидимками, а затем спрятать под пышным каштановым париком, к которому я уже прила-

дила шляпку. На лоб должна была спадать кудрявая челка — *de rigueur*¹, необходимая деталь: ведь такую же челку носила принцесса Александра, — а на губы, щеки, веки и ресницы я вынуждена была как можно незаметнее нанести средства, порицаемые благородным обществом. После долгих упражнений с кисточками и мазями, а также, вероятно, благодаря крови семьи Верне, текущей в моих венах, я наконец научилась — по крайней мере я на это надеюсь — накладывать макияж таким образом, что его принимали за естественную красоту.

Лишь на этом мои приготовления закончились.

К середине дня я так ничего и не поела, но времени на это не было, поскольку лучшая моя зацепка (на самом деле далеко не самая надежная, учитывая, что по Лондону ездит около двух тысяч наемных экипажей, а моя дурная голова не сумела удержать номер того, которой был мне нужен) тре-

---

¹ Французское выражение, означающее обязательную деталь, требуемую модой или этикетом.

бовала определенной точности: кебмены обычно держались одной и той же стоянки, и я собиралась начать поиски в том же месте и в то же время, где в последний раз видела экипаж, в котором увезли леди Сесилию.

Только один человек мог рассказать мне, где она: кебмен, который отвез ее и двух гарпий на торговую улицу, а затем, вероятно, доставил домой. И искать его следовало возле первой Общественной дамской комнаты Лондона на Оксфорд-стрит. В том самом месте, где, вот незадача, мой брат Майкрофт — вполне вероятно — искал меня.

«Не торопись, — напомнила я себе, спускаясь с подножки кеба, в котором прибыла на Оксфорд-стрит. — Переступай птичьими шажками. Верти в руках зонтик. Ты красивая леди в модном платье, приехала за покупками».

Так я грациозно плыла по тротуару подобно небесно-синему кораблю в лондонской буре из пыли и сажки. Солдаты, судомойки, конторские служащие и священнослужители, босой ребенок, ведущий

за руку слепого попрошайку, однорукий старик с седой бородой и с крестом Виктории на груди, лохматая нищенка, продающая мозольные пластыри, обходительные джентльмены в цилиндрах, мальчишки-газетчики с красными высыпаниями на коже, девочка в обносках, охрипшая от вечных криков «Яблоки! Яблоки!», перемазанный в чернилах ученый с узкими сгорбленными, непропорциональными плечами и стопкой книжек в руках — через такую разномастную грязную толпу я продираюсь, словно голубой цветок в поле темных маргариток.

Неспешно подплыв к стоянке наемных экипажей, я окинула их ряды надменным и ленивым взглядом — по крайней мере попыталась создать такое впечатление. Лица кебмена я не помнила, того, как выглядел экипаж, — тоже, поэтому было не ясно, как мне найти нужный кеб, тем более что все они выглядели примерно одинаково! По пути на Оксфорд-стрит я попыталась сделать карандашный набросок, но у меня получилось размытое пятно — если не считать лошади, которая вышла вполне

неплохо, потому что лошадей я обожала: но разве я взяла в руки бумагу исключительно для того, чтобы написать портрет Черного красавчика¹, как вдохновенное книгой дитя? Позор, Энола! Разочарованная в самой себе, я надеялась, что хотя бы узнаю кеб, если увижу его на стоянке...

Слишком много «хотя бы, и «если бы», и «может быть»!

Ничего в рядах экипажей не показалось мне знакомым.

Зато на другой стороне улицы, прямо у меня на пути, стояли очень даже знакомые мне джентльмены: мои братья Майкрофт и Шерлок.

Со стыдом признаю, что, когда я их увидела, сердце мое забилося быстрее, по спине пробежали мурашки и я застыла в нерешительности.

А потом, как часто случалось в похожие минуты, в голове прозвучал голос матери: «Глупости. Ты и одна прекрасно справишься, Энола».

---

¹ Отсылка к детской книге про коня по кличке Черный красавчик. Автор «Черного красавчика» (1877) — Анна Сьюэлл.

Эти до боли знакомые слова, которые она часто повторяла, заставили меня расправить плечи, собраться с силами и пойти дальше.

К счастью, Шерлок и Майкрофт были увлечены оживленной беседой и даже не смотрели в мою сторону. Они стояли ровно в том месте, где я не так давно встретила — и пнула — Майкрофта. Мой полный брат, одетый примерно так же, как и в день нашей последней встречи, явно никак не пострадал от моей атаки. А вот Шерлок, хоть и выглядел великолепно в своем безупречном городском костюме из тонкого черного сукна, заметно опирался на трость, и на правой ноге у него был не ботинок, а мягкая домашняя туфля.

Внимательно следя за своей походкой, я проплыла мимо — с гордо поднятой головой в аккуратно сдвинутой набок шляпке, вертя в руках зонтик и стараясь как можно сильнее выделяться в толпе, словно голубой маяк в ночном океане — быть прекрасной леди, которая мечтает, чтобы все вокруг бросали на нее восхищенные взгляды, — и таким образом оставаться незаметной для моих братьев. Какая ирония: чтобы избежать лишнего внимания, мне надо бро-

саться в глаза: но дело в том, что ни Шерлок, ни Майкрофт не проявляли интереса к самовлюбленным красавицам, одетым по последней моде.

Стратегия сработала. Когда я прошла мимо, они по привычке, словно роботы, дотронулись до полей шляп и как ни в чем не бывало продолжили разговор.

— ...не может так продолжаться, — напыщенно вещал Майкрофт. — Большая ошибка с твоей стороны, милый Шерлок, что ты так легко отпустил ее, позволив ей и дальше беспечно двигаться по неверному пути.

— Смею возразить, дорогой брат, — беспечной она не выглядела.

Вот как? Значит, он заметил мои метания. Впрочем, мне не суждено было узнать, к какому выводу пришел Шерлок, поскольку я пошла дальше по своему «неверному пути» и больше ничего не услышала. При этом я заставила себя сосредоточиться на стоящей передо мной задаче: поисках кеба, в котором увезли леди Сесилию.

Однако на стоянке мне не встретилось ни одного экипажа, который вызвал бы у меня хоть смутные воспоминания.

Я добралась до конца ряда, где мои братья не могли меня увидеть, остановилась, перевела дыхание и обернулась, чтобы еще раз окинуть взглядом всю стоянку. Это ни к чему не привело, кроме того, что я столкнулась нос к носу с запряженной в экипаж лошадью, которая робко смотрела на меня большими карими глазами. Послушной на вид, крупной рабочей лошадью саврасой масти¹. Давно никто не приветствовал меня с таким радушием, как она, и я невольно протянула к ней облаченную в шелковую перчатку руку и ласково похлопала кобылу по морде. Она одобрительно фыркнула, обдав меня пахнущим сеном дыханием, и наклонила голову, чтобы я могла погладить ее по челке.

Кебмен отложил свое чтение — иллюстрированный географический справочник — и с сомнением покосился на меня.

— Какая она у вас ласковая, — сказала я своим обычным голосом с аристократи-

---

¹ У лошади саврасой масти темные грива и хвост, а туловище светлое, рыжевато- или желтоватого цвета. Иногда бывают темные «чулки» на ногах и «ремень» вдоль позвоночника.

ческим акцентом, радуясь, что не надо изображать никакой говор. — Очень спокойная. И послушная, да?

— Эт' да, миледи, моя савраска работы не гнушается, да и ухаживать за ней лехко. — Тема лошадей явно была ему близка, и он доверительно подался ко мне. — Лучше ней никого у меня не было — и уж какая эт' удача, какое сокровище для независимого-то работника вроде меня!

Он имел в виду, что и лошадь, и экипаж принадлежали ему и он трудится сам на себя, а не на компанию, и, несмотря на то что независимый кебмен оставлял себе все доходы, он сильно рисковал: плохая или слабая здоровьем лошадь могла его разорить. Я провела ладонью по черной гриве и кивнула:

— И она крепкая, как кирпич, да? Позволите спросить, как ее зовут?

— Конечно, миледи, она у меня кобыла здоровая, а звать ее Любимица.

Я расплылась в улыбке. Любимица тихо фыркнула и ткнулась носом в мою юбку — вероятно, в надежде, что в одном из карманов спрятано лакомство.

— У вас, миледи, осмелюсь заметить, шибко хорошо глаз на лошадей наметан, — добавил кебмен. — Так-то дамам обычно по нраву вычурные экипажи с норфолькскими рысаками.

— Да, я недавно видела один такой. — Эврика! Только сейчас, в блаженную минуту бездействия мой разум извлек из своих недр нужное воспоминание! — Громадный, четырехколесный, весь блестящий — так старательно его отполировали, — с нескрываемым, искренним осуждением доложила я. — Конь там был другой породы, но близкой к норфолкскому рысаку, задиристый, с высоко задранной головой, немного взмыленный, весь черный, но с белыми ногами, как у лошадей клейдесдальской породы...¹

— Как же, знаю я такова: бежит — хлаз не отведешь, ноги к ноздрям задирает. Уж

---

¹ Норфолкский рысак — порода английских лошадей, известна с XVIII века. Окрас традиционно темный, гнедой, вороной, рыжий, редко — серый, т.е. пятна не допускаются. Клейдесдаль (клейдесдальский тяжеловоз) выведен в начале XIV века. Отличительная черта породы — длинные мохнатые «чулки» от колена и пятно на лбу, все белого цвета.

больно много силенок лишних тратит, как по мне. Эт' цыганская упряжная, а хозяин ее Пэдди Мерфи.

— Вот как! — Я напоследок ласково похлопала Любимицу по морде, забралась в экипаж и протянула кебмену горсть блестящих монет, чтобы предотвратить возможные вопросы и сомнения. — Вы могли бы доставить меня к этому Мерфи? Мне надо с ним поговорить.

* * *

— Об чем речь: помню я их, конечно, как сичас перед собой вижу, — уверенно заявил другой кебмен еще до того, как я закончила описывать хрупкую девушку в желто-зеленой юбке-колоколе и ее спутниц.

Хозяин Любимицы быстро нашел Пэдди Мерфи во дворе перед конюшней на Серпентин-роуд; тот сидел на тюке соломы с кружкой эля и предлагал остальным кебменам за скромную плату всего в один пенни посмотреть на некое загадочное чудо, которое он хранил в картонной коробке. Увидев меня, он поспешно убрал

коробку, вскочил на ноги и приподнял кепку. Теперь он стоял передо мной, сжимая в руке шиллинг, который я ему дала, и с типичной ирландской словоохотливостью вещал:

— Может, потому, што энти старые кошелки — то бишь матроны, простите, миледи, — денех на проезд пожалели, а мотали меня туды-сюды чуть ли не до самого вечера.

— «Туды-сюды» — это куда конкретно? — уточнила я.

— Ну, в Лондоне ни одной даже самой захудалой лавки льняных тряпок не осталось, куды бы мы не заехали, это я точно вам скажу. С одной улицы на друхую, с одной на друхую... Они все в окошки заглядывали, заходили — ну то бишь одна из дам заходила, а вторая в кебе оставалась с той хилой бедняжкой, которой они всячески помыкали. К торговцам шелком тоже заезжали, и девчушку тогда брали с собой, а мне приходилось ждать их на улице, дороху захораживать, и кучера меня проклинали на чем свет стоит и к чертям посылали — вы уж извиняйте, миледи, а?

И за посылкой какой-то ездили, тоже времени уйму заняло, и констебль на меня орал и хрозил, што права отымет, и уж за столько, сколько они мне заплатили...

Хозяин Любимицы стоял подле меня, вероятно считая себя моим сопровождающим и охранником, а я слушала кебмена с интересом и нарастающим нетерпением, которое, надеюсь, никак не проявлялось у меня на лице, поскольку торопить рассказчика-ирландца бессмысленно — но мне так хотелось наконец узнать: куда же в итоге уехала Сесилия Алистер?

— ...я бы не согласился так мотаться, вы уж меня извиняйте, если б знал, што меня ждет эдакая вот карусель, — продолжал Пэдди Мерфи. — Но ничего не поделаешь: девчушка-то еле ходила, бедное создание. Я им, конечно, не судья, но эти матроны не особенно добры к ней были, и даже я эт' заметил, хотя мне вроде бы как не полагается.

— Однако я очень вам благодарна, что вы это заметили, — сказала я, ненавязчиво демонстрируя материальное подтверждение своим словам: фунтовую купюру, ко-

торую я держала в руке и которая могла бы перейти к нему, если его рассказ меня удовлетворит. — Прошу вас, продолжайте. Куда вы их отвезли в конце? — Мне важно было узнать, где леди Акилла и леди Отелия прятали Сесилию. — Они остановились в одном из отелей?

— Нет-нет, миледи. И дам, и все ихние покупки я отвез в местечко под названием Инглторп.

Скромное обиталище виконтессы Отелии! Сердце у меня оборвалось.

— Матрон то бишь, — добавил мой румяный собеседник. — А перед тем девчушку, худышку эту, высадил у лодчонки.

— Где?

— А, эт' самое любопытное во всей истории, я вам скажу, самое любопытное. Меня попросили остановиться у лахчёнки, на берегу Темзы, и девчушку забрали хребцы в плоских шляпах.

Я запоздало поняла, что «лахчёнка» — это лодка, и уточнила:

— Куда они ее забрали?

— Ну как же, на реку и повезли, миледи. Больше я ничехошеньки не видел.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

Мне отчаянно захотелось топнуть ногой, закатить глаза и разрыдаться. Проклятье! Эта неудача стала последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения.

И в то же время я готова была ухватиться за соломинку, единственную оставшуюся у меня зацепку. Я не хотела лишаться даже самой призрачной надежды.

Решившись на отчаянный поступок, я приказала ирландцу:

— Покажите, где это было. Где именно вы ее высадили. Отвезите меня туда.

Глава пятнадцатая

Полчаса спустя я уже стояла возле убогого пирса на Темзе, морщась от вони, и искала... Сесилию Алистер? Здесь? Это место вселяло еще больше уныния, чем безликие улицы, на которых я нашла ее в прошлый раз. У темной воды роились маленькие чумазы попрошайки, уличные мальчишки, которые искали в грязи куски костей, дерева и металла. Татуированные здоровяки входили и выходили из крупных кирпичных зданий под названиями вроде «Траулер-корп», «Сиам, Бирма, Восточное направление» или «Аренда судов». Пароходы, корабли с высокими мачтами и бесчисленные суденышки теснились на узкой реке, а над ними грозно возвышался

подъемный кран, чей низкий рев смешивался с руганью моряков, визгом уличных мальчишек и криками чаек в небе. Я окинула взглядом эту картину и почувствовала, как надежда во мне угасает.

И все же я не готова была сдаваться.

— Вы точно видели, как ее увозят на лодке? — допытывалась я у подвыпившего кебмена, который стоял рядом со мной.

— А как же!

Скорее всего, леди Сесилию поселили на небольшой барже или в другом жилище подобного рода, которое, в отличие от отеля, легко перемещать с места на место, каждый день меняя его расположение. Удивительно хитрый план. Найти такой «дом на воде» практически невозможно.

Тем не менее я спросила:

— А куда они поплыли?

Кебмен показал на дальний берег вверх по течению. Я посмотрела туда, вздохнула и хотела было отвернуться, признав свое поражение, как вдруг мое внимание привлекли какие-то белые точки. Я резко выпрямилась и сощурилась, разглядывая коричневое пятно под этими точками.

Насторожившись, будто охотничья собака, завидевшая птицу, я воскликнула:

— А поблизости случайно нет сиротского приюта?!

Кебмен ответил утвердительно и показал на тусклую мансардную крышу зеленого цвета, маячившую где-то в квартале от нас. В голове у меня, словно шумная стая чаек, закружились мысли; я вспомнила о подозрительном эпизоде с Господином Ха-ха — как же его звали, будь он проклят?! Точно, барон Дагоберт Мергансер, — который привел в дом свояченицы выводок коротко остриженных сироток, и задалась вопросом: почему он не пригласил их в свой особняк? Не хотел, чтобы раскрыли его личность? И как он с ними связан? Барон не похож на сторонника благотворительности. И зачем заниматься сиротками, когда все силы надо бросать на то, чтобы женить своего сына на состоятельной племяннице и чтобы удержать ее в плену?..

...они намерены провести церемонию в тихой укомной часовне.

О господи. При сиротских приютах есть часовни?

Вполне возможно, но нельзя знать наверняка, и следует обязательно изучить этот вопрос более подробно; не исключено, что это всего лишь случайное совпадение, и то, что сиротский приют расположен неподалеку от этого конкретного пирса, ничего не значит, и сиротки, которых я видела в доме виконтессы Инглторп, принадлежат совершенно иному приюту, и их «экскурсия» не имела никакой связи с делом леди Сесилии — и так далее и тому подобное...

Однако, как сказал бы мой брат Шерлок, это «совпадение» наводит на определенные мысли, верно? Случай предоставлялся сам собой, и времени на проверки и сомнения не оставалось: несчастную леди Сесилию собирались насильно выдать замуж уже завтра утром.

Это требовало отчаянных мер.

* * *

Два часа спустя я уже направлялась к Уизерспунскому дому для бездомных и беспризорников, оглядываясь по сторонам в поисках часовни или хоть каких-ни-

будь ее признаков, например витражного окна, но на глаза мне попала только верхушка возмутительно непримечательного на вид трехэтажного здания, отделанного необработанным камнем, окруженного высоким деревянным забором с так близко стоящими друг к другу досками, что между ними не оставалось щелей, в которые можно было бы заглянуть. Препятствие безобразное и безжалостное.

К этому моменту я уже вполне выглядела так, будто вот-вот расплачусь.

А именно это мне и было нужно. Я надеялась сойти за беспризорного ребенка. Довольно высокого, но все же ребенка. Чтобы изобразить тощий, как спичка, силуэт голодающей сироты, я отказалась от всех своих подушечек и подкладок — решение это далось мне нелегко, поскольку с ними пришлось отказаться и от «боевого обмундирования» — корсета и кинжала, и от большей части моих привычных запасов. Тщательно отобрав самое необходимое, я рассовала все по карманам.

Еда в «самое необходимое» не вошла, и времени перекусить не нашлось; желудок

жалобно ворчал, а голова кружилась — впрочем, это обещало усилить эффект, к которому я стремилась. Кожу я намазала смесью уксуса и мыла, чтобы она выглядела болезненно-бледной и сухой, а с помощью ламповой сажи нарисовала круги под глазами и создала впечатление впалых щек. Мои распущенные волосы и так были достаточно отталкивающими на вид, а после того, как я натерла их угольной золой, как и все свое тело, из меня получилась самая настоящая оборванка. Что касается одежды, я выбрала невероятно скромный и грязный наряд сборщицы мусора, который теперь, когда его не поддерживали подушечки и подкладки, был мне заметно велик и свободно висел на моих костлявых плечах. Я даже порвала ткань в нескольких местах. Ноги я обмотала старыми тряпками. На одной из улиц я нашла шляпу-котелок, по которой успел проехаться не один десяток карет, всю истоптанную копытами лошадей, и нахлобучила ее на голову так, чтобы она почти полностью закрывала глаза. Поскольку маленькие нищенки не гнушались подобных предметов

одежды — лишь бы голова была покрыта и в тепле, — выглядела я вполне правдоподобно.

Как и моя нерешительность. В глазах окружающих я сейчас была беспризорной девчушкой, которая стояла перед пугающей неизвестностью, набираясь храбрости и рассуждая про себя, готова ли она продать свою голодную свободу за еду, остриженную голову и изнурительную работу по дому. Им было невдомек, что эта колеблющаяся оборванка на самом деле начинающая искательница, еще не определившаяся, стоит ли рискнуть и написать письмо брату.

После того как я обошла вокруг здания и выяснила, что вход и выход там только один, я удалилась. Ненадолго: всего на несколько минут, которые ушли у меня на то, чтобы уверенной рукой — при этом сама не будучи такой уж уверенной в своих выводах — вывести карандашом следующие строки:

Шерлок,

Незадолго до церемонии С. А. попытается покинуть Уизерспунский сиротский приют,

дом 472 по Хакстейбл-лейн, с розовым веером в руках.

Встреть ее у ворот; дальнейшее оставляю на тебя.

Э. Х.

Дрожащими руками — инстинкты подсказывали мне, что лучше не давать братьям ни единой зацепки касательно того, где я нахожусь в данный момент, — я сложила листок и написала адрес: 221б, *Бейкер-стрит*. Шерлок, без сомнений, попытается выяснить, откуда отправили письмо, но это не важно, поскольку я не собираюсь стоять на одном месте и ждать, пока он выйдет на мой след, а из описания, которое даст ему человек, доставивший записку, брат не извлечет ничего, кроме того, что я переделалась бродяжкой. И все же — вдруг завтра он придет не только ради леди Сесилии, но и для того, чтобы заманить меня в свои сети?

Впрочем, выбора у меня не было. Положение леди Сесилии вынуждало меня поставить под угрозу собственную свободу, чтобы выручить бедную левшу.

Я передала листок профессиональному посыльному: он крайне удивился, что маленькая грязная оборванка не только умеет писать, но и располагает необходимыми средствами, чтобы оплатить его услуги, но можно было не сомневаться, что посыльный отнесет письмо по адресу — ведь это его работа.

Времени на метания больше не оставалось, и я пошла, точнее — поплелась, согнув колени и еле передвигая ноги под грязной ободранной юбкой: во-первых, для того чтобы зрительно уменьшить свой рост, а во-вторых, чтобы со стороны казалось, будто в детстве я страдала рахитом, — так вот, я отправилась обратно к Уизерспунскому сиротскому приюту, прижимая к глазам завернутый в тряпочку кружок лука. Остановившись у ворот, я сморгнула набежавшие слезы и постучала.

* * *

— Имя? — строго спросила в высшей степени непривлекательная дама, которая сидела за не менее скучным на вид письменным столом и заполняла мою анкету.

— Пегги, маменька.

Я стояла перед ней на слегка согнутых ногах. Мне было неудобно, и из-за этого я чуть покачивалась. Что ж, так даже лучше.

— Фамилия?

— Проста Пегги, маменька.

— Родители?

— Я никогда о них не слыхала, маменька, — ответила я, старательно изображая говор кокни, и шмыгнула носом.

Мой высокий рост не мог вызвать у нее жалости, поэтому я решила сыграть на плаксивости и простоте ума.

Дама со вздохом поставила галочку рядом со словом «Незаконнорожденная», но все же задала следующий вопрос:

— Дата и место рождения?

— Не знаю, маменька.

— Крещение?

— Эт' што, маменька?

— Тебя крестили?

— Откудова мне знать, маменька? — слезливо отозвалась я, и в ту же минуту мой живот жалобно заурчал.

Дама внимательно на меня посмотрела, а потом взяла со стола маленький китай-

ский колокольчик и позвонила в него. По форме, если не считать ручки, он напоминал ее белый чепчик значительных размеров.

На звонок прибежала девочка, которая выглядела точно так же, как и все сиротки в этом заведении: ничего не выражающий взгляд без улыбки, коротко остриженные волосы, клетчатый передник поверх уродливого коричневого платья.

— Звали, матушка?

— Принеси хлеб и чай, дитя.

— Да, матушка. — Девочка подпрыгнула в попытке изобразить реверанс и удалилась.

— Присаживайся, Пегги, — ласково обратилась ко мне матрона. — Ты когда-нибудь была в заключении?

— Эт' как, маменька?

— Тебя сажали в тюрьму за какое-нибудь преступление?

— Нет, маменька.

— Ты жила в работном доме?

Так началась длинная череда вопросов. Пока, дрожа от голода и волнения и время от времени пуская слезу, я сидела и уми-

нала (с неподдельным аппетитом) пустой хлеб, запивая его слабым чаем, матрона успела выяснить, что образования я никакого не получила, в воскресную школу не ходила, денег у меня не было, как и друзей или родственников, которые могли бы покрыть расходы приюта на заботу обо мне, пособия по бедности я тоже не получала, не переболела ни золотухой, ни скарлатиной, ни коклюшем, ни оспой.

— Склонна к истерикам?

— Нет, маменька.

— К недержанию мочи?

— Што, маменька?

Она поджала тонкие губы и с явным неудовольствием заставила себя сказать:

— Ты писаешь в штаны или в кровать?

— Нет, маменька!

— Что ж, хорошо, мм... — она опустила взгляд на листок, — Пегги. — Матрона отложила ручку, позвонила в колокольчик, и в комнату пришла девушка примерно моего возраста со стопкой коричневой одежды в руках. — Думаю, пока ты поела достаточно. Иди за этой юной женщиной,

помойся и переоденься, а потом я проверю, есть ли у тебя... мм... какие-нибудь заражения, и постригу тебе волосы.

Вот он — момент, которого я ждала.

— Остричь волосы, маменька?! — Широко распахнув глаза от ужаса, я вскочила на ноги, не забывая сгибать колени. — Но маменька, я не хочу их стричь!

— Придется, если хочешь здесь остаться, дитя.

— Но маменька...

— Ты желаешь иметь крышу над головой, еду, одежду, образование? Тогда будь добра, соблюдай правила гигиены. Кроме того, тебе необходимо сделать прививку от оспы.

— Прививки... вы про иглу, маменька?! — Мне представилась еще одна отличная возможность изобразить страх — все кокни до ужаса боятся вакцинации, — и я с готовностью за нее ухватилась. — Што вы, маменька, не надо мне колоть никакой иглой никакого яду!

— Не глупи. Это не яд, и укол ты легко перенесешь; здесь всем девочкам его делали.

Осуждение и холод в ее голосе дали мне отличный повод воскликнуть:

— Уж не знаю, маменька, смогу ли я это вытерпеть!

— В таком случае тебе придется вернуться на улицу.

— Нет, пожалуйста, маменька, я есть хочу!

— Тогда поступай так, как тебе велено. Решай.

Изображая растерянность и отчаяние, я заломила руки и вскрикнула:

— Не могу! Мне надо помолиться, маменька. Пару минуточек, маменька, штобы все обдумать. У вас есть часовня, маменька?

Матрона посмотрела на меня с подозрением, но не смогла отказать неожиданно набожной оборванке в такой просьбе, тем более когда рядом стояла «юная женщина», угрюмая и молчаливая, от которой наверняка требовали, чтобы она молилась по нескольку раз в день.

— Хорошо, — проговорила дама, поднимая взгляд на девушку. — Отведи ее в часовню...

Эврика!

— ...а потом возвращаясь к своим обычным делам. Я приду за ней через несколько минут.

Нескольких минут мне хватит с головой.

Безразличная ко всему сиротка отвела меня в маленькую часовню, которая находилась в пристройке к главному зданию приюта, оставила в полутемном зале и вышла, затворив за собою двери. Как только она удалилась, я вскочила со скамьи, схватила стопку одежды и забралась в укрытие. Когда за мной пришла матрона, я уже сидела под кафедрой.

— Дитя? — позвала она. — Дитя? — После недолгой паузы, во время которой она, по всей вероятности, сверилась со своими бумагами, матрона добавила: — Пегги, подойди ко мне немедленно!

Разумеется, я и не подумала выходить.

— Куда же запропастилась эта дуреха? — проворчала она, выходя из часовни и отправляясь на мои поиски. Я тут же вылезла из-под кафедры и огляделась в поисках более надежного укрытия. Я знала, что, когда дети играют в прятки, они обычно смотрят вокруг себя, за мебелью и под ней,

а наверх — почти никогда. К тому же лазать у меня всегда хорошо получалось. Вот поэтому я начала карабкаться на громадный корпус органа с вырезанными в дереве узорами, с легкостью добралась до самого верха, бросила туда свою новую одежду, которую собрала в узелок, чтобы не выронить, а сама легла на крепкую холщовую поверхность, которая защищала инструмент от пыли, оказавшись буквально в нескольких дюймах от потолка. Меня прикрывали высокие трубы, и я лежала в относительной безопасности и полном комфорте, когда матрона вместе с помощницами вернулась еще раз осмотреть часовню.

Я их не видела, но слышала их шаги и то, как они переговариваются между собой.

— Наверное, струсила и убежала.

— Лентяй Тоувидл у ворот говорит, что ее не видел.

— Да он опять дремал иначе где же она вышла? Здесь ее нет.

— Может, бродит по коридорам. Она не особенно умна.

— Голодранка пойдет на запах еды, помяните мое слово!

— Значит, будем приглядывать за кухней.

— Ну, в часовне ее точно нет. — Они стояли практически подо мной. — Надо всем сказать, чтобы они ее высматривали...

— Вот незадача, — пожаловалась одна из них. — А ведь у нас сегодня и так много дел — столько всего нужно подготовить на завтра! — Я наострила уши. — И почему свадьбу хотят провести именно здесь?

Наверняка это свадьба Сесилии, наверняка! Я угадала, ура!

Пока я ликовала, девушка добавила:

— Странно, что...

— Лучше не задавать лишних вопросов, — перебила ее другая. — Барон обещал щедрую награду. И не только денежное покровительство, но и другие блага.

Включая, полагаю, экскурсии по «его» дому.

— Комната на чердаке не готова, — пожаловалась девушка. — И сколько цветов надо принести!

— Что ж, тогда идем. Не будем терять время зря.

Шаги направились к выходу.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

— Девчонка скоро объявится.

— Прости меня, Господи, я очень надеюсь, что нет, — ответила матрона, которая до этого меня допрашивала и чей голос я сразу узнала, и добавила, открывая дверь: — Не хотелось бы, чтобы барону встретилась такая омерзительная оборванка.

«О-хо-хо», — подумала я про себя, и мое волнение в эту минуту веселья слегка улеглось. Что за сюрприз ее ждет!

Глава шестнадцатая

Признаюсь, я задремала в своем гнездышке на верхушке органа, поскольку живот у меня был блаженно полон, а делать все равно было нечего, пока все бывшие бездомные и беспризорники (тут я задумалась, в чем разница между бездомными и беспризорными детьми) и матроны с похожими на вывернутые тюльпаны чепцами не улягутся спать.

Меня разбудила вечерняя молитва — и при этом чуть не оглушива; подо мной все вибрировало, и мне пришлось зажать уши пальцами. Это событие потрясло меня во всех смыслах, поскольку по окончании службы игравшая на органе девушка заметила, что инструмент звучал как-то не-

правильно и приглушенно. Еще около часа я лежала без движения, но постепенно в ушах у меня перестало звенеть и вокруг все затихло, поэтому я осторожно спустилась на пол в крошечной темноте.

Точнее, до этого я сняла свои обноски и оставила их на органе. Под ними у меня было надето муслиновое платье — я тщательно подготовилась к «операции». Одежду, выданную «Пегги» в приюте, я захватила с собой и на ощупь пробралась к алтарю, чтобы зажечь свечи.

Признаю, несмотря на мое свободомыслие и рационализм, мне неловко было зажигать священные фитили под покровом ночи. Как и умываться водой из купели для крещения. В мрачной часовне было нечто жуткое, пугающее, и я с готовностью вышла из нее сразу после того, как собрала волосы в аккуратный пучок и стерла с лица золу, потеряв всякое сходство с оборванкой Пегги.

Теперь оставалось найти комнату на чердаке, которую готовили для барона.

Скорее всего, леди Сесилию Алистер тайно привезут сюда на лодке и проведут в приют еще до рассвета, поскольку

несчастную вынуждают выйти за жабью морду Браммуэлла Мергансера, а значит, все это должно пройти под покровом тайны. Обычно невест из высшего общества доставляли в церковь в экипаже, уже в подвенечном наряде. Может, они и здесь воспользуются услугами помощника конюха? Нет, любая демонстрация свадебного платья вызовет лавину замечаний и вопросов. Барону и баронессе Мергансер будет сподручнее сначала завершить темное дело, а уже затем хвастаться своим достижением.

Однако столь гордая пара не могла отказаться от привычной свадебной помпезности. «Тебе необходимо платье в приданое, и мы его найдем...» Бедная Сесилия! Они имели в виду платье для церемонии — и сестры Акилла и Отелия, похоже, собирались насильно надеть на несчастную этот наряд.

Дано: Невеста должна быть в свадебном платье.

Допущение: Осторожность требует того, чтобы в приют девушку привезли еще не наряженной.

Заключение: Леди Сесилию оденут на месте.

Очевидно, для этого им и потребовалась комната на чердаке — зачем же еще? Все остальные комнаты, полагаю, заняты бедными сиротками, а невесте нужно определенное уединение.

Особенно если она сама не хочет быть невестой.

Поэтому я собиралась затаиться там и завтра утром, когда Сесилию Алистер приведут на чердак, чтобы переодеть в белое, быть рядом и наготове.

* * *

Выскользнув из часовни, я пошла по слабо освещенному газовыми рожками коридору. Вдали послышались шаги матроны по скрипучему полу, а за ними строгий шепот:

— Почему ты не в постели?

Дурной знак. Видимо, приют никогда не спал. К счастью, за прошлое лето я научилась неслышно ходить босиком в чулках, стараясь не разбудить Майкрофта, когда рыскала по дому в поисках маминых тайников. Быстро и тихо проскользнув мимо

матроны, я высмотрела лестницу, поднялась на второй этаж, затем на третий и — эврика! — обнаружила там узкую лесенку, которая вела на чердак.

Дверь, разумеется, была заперта.

Однако замок был простой, старомодный, и взломать его не составило труда. Я открыла дверь, вошла, затворила ее и, вполне гордая собой, зажгла свечу, которую принесла из часовни. В ее тусклом свете я увидела...

...чемоданы, пустую птичью клетку, сломанных деревянных лошадок и другой мусор, покрытый толстым слоем пыли.

В это кошмарное, унижительное мгновение я не сразу поняла, какую глупую ошибку допустила. Не в первый раз мои выводы оказались ошибочными. Ошибочными. Ошибочными. Да, я всего лишь глупая девчонка, недостойная...

Глупости, Энола. Подумай.

Я подумала — и тут же осознала, что в таком большом здании должен быть не один чердак. Все, что от меня требуется, — это предпринять еще одну попытку.

Так я и поступила — и через некоторое время меня ждал успех. Избавлю любезного читателя от подробного описания моих походов, которые растянулись на несколько часов и несколько раз чуть не закончились плачевно, когда я рисковала столкнуться с одной из матрон. Скажу лишь, что под самый рассвет и с огромным облегчением я отыскала нужный мне чердак: чистый, вымытый, отполированный чуть ли не до блеска. С туалетным столиком, зеркалом в полный рост и стульями.

И с внушительных размеров привидением, свисающим с балки под потолком.

Белым-пребелым. По его смутным очертаниям я поняла, что это свадебное платье в чехле, защищающем его от пыли, — огромное, с кружевным подолом, украшенным стразами, и со шлейфом футов на девять.

Рядом с ним висела изысканная фата, похожая на белое облако, тоже в стразах и несколько ярдов длиной.

Поблизости стояли необычные на вид белые туфельки, точнее — нечто вроде тапочек из тонкой кожи, симпатичной формы, но с высокой подошвой, как на

обуви леди, которые хотят быть выше грязи и навоза на лондонских улицах. Пожалуй, даже еще выше. Такая подошва поднимала девушку над землей дюймов на десять. Ходить в подобных «туфельках» — это все равно что на ходулях.

Я не сразу поняла, как это хитро и коварно: они не только незаметно «связывали» невесту, чтобы она не сбежала, но и делали ее визуально старше и выше, и в своем дорогом наряде она должна была смотреться величественно и красиво.

Бедную девочку, которая только и хотела что читать, рисовать, свободно размышлять и дарить миру добро, отдавали на растерзание виконтессе Отелии и баронессе Акилле до конца жизни!

— Гарпии, — пробормотала я. — Пивки. Нельзя им этого позволить.

Я должна спасти невезучую леди Сесилию.

Но сперва — найти укрытие, в котором буду дожидаться своего часа.

Эта задача, которая до этого почти не занимала мои мысли, на поверку оказалась самой трудной. Я потушила свечу и, когда

она остыла, положила ее в карман. Казалось бы, высокой и худощавой девушке спрятаться несложно, да и в слабом розовом свете, льющемся в мансардные окна, я не бросалась в глаза — но на полупустом чердаке не было ни одного укрытия. Ни дивана, за который можно было бы залезть, ни гардероба или другой объемной мебели, ни плотных штор, ни даже скатерти на столе.

И ровно в ту минуту, когда я стояла на виду посреди комнаты и гадала, как быть, на лестнице послышались шаги.

Чтоб меня черти съели! Что же делать?!

Выход оставался лишь один, не самый приятный, который вызывал у меня те же смешанные чувства, что и надругательство над алтарными свечами и водой для крещения, а также сильное отвращение. Не знаю почему, ведь я люблю красивую одежду, а этот наряд был поистине великолепным — бальная юбка, пышные рукава, блестящий шелк и тонкое кружево. Все это я смогла рассмотреть в деталях, когда приподняла чехол. Однако обилие белого цвета казалось мне омерзительным. Я за-

мерла в нерешительности, но шаги добрались уже почти до самой двери, и я, глубоко вдохнув и подобравшись, словно собираясь выйти из кабинки для купания в открытое море¹, нырнула под тяжелую юбку и, оказавшись буквально внутри платья, выпрямилась в полный рост. Ноги я поставила так, чтобы их скрывал усеянный стразами подол. Узелок с коричневым платьем и передником я утянула за собой. А потом замерла, надежно укрытая от посторонних глаз.

По крайней мере я на это надеялась.

Судя по гулу шагов, в комнату вошли сразу несколько человек. Прозвучал глухой удар, а за ним — холодный властный голос:

— Хорошо, Дженкинс, полагаю, здесь она не сумеет ничего учинить. Можете вынуть кляп.

---

¹ В XIX веке леди на пляже не заходили в море своим ходом: их везли в специальных фургончиках, которые тянули пони. В этих кабинках девушки переодевались в купальный костюм и оттуда спускались прямо в воду, где стояли, омываемые волнами, держась за специально обученную женщину, которая сопровождала их во время купания.

Эти гарпии, эти ведьмы, нет, тут нужно словечко посильнее — эти мегеры засунули ей в рот кляп?! Мне захотелось немедленно хоть одним глазком взглянуть на леди Сесилию, проверить, как она держится, и я выглянула в разрез для застешки на талии, но через него было мало что видно. Только некоторые детали.

Непропорциональные ягодицы, затянутые в лавандовую и кремовую ткани, явно принадлежащие виконтессе Отелии.

Очень похожий силуэт, одетый в так же богато разукрашенный сизый шелк, — очаровательная Акилла.

Простая юбка в цветочек и белые ленты кружевного фартука — горничная в утреннем платье.

Все три вошедшие смотрели на четвертую, которая плюхнулась на стул в дальнем углу — как можно дальше от платья, моего тайного укрытия. Я успела разглядеть только желто-зеленое пятно; вероятно, они надели на Сесилию ту же кошмарную юбку-колокол, в которой я видела ее в Общественной дамской комнате.

В этот момент я ощутила одновременно и жалость, и ликование: моя милая левша все же была куда более непокорной, чем думал Шерлок Холмс. Она не переставала сопротивляться своим порабощительницам.

Акилла (вся в рюшах, оборках, дорогих тканях, кружеве, жемчугах, завитках, лентах и драгоценностях) продолжила:

— Приглядывайте за ней, Дженкинс. Нам надо заняться цветами для алтаря. Что до тебя, — обратилась она к желто-зеленой бунтарке, — сделай лицо попроще, а то к туфлям добавятся и другие путы и ужина тебе не предложат: будешь смотреть, как мы наслаждаемся твоим свадебным пиром. Идем, Отеллия. Мы скоро вернемся. — Последние слова она бросила горничной через плечо, и обе дамы, шурша шелковыми юбками, вышли из комнаты.

Теперь я могла как следует рассмотреть Сесилию. Она сидела на стуле, наклонив голову, словно запятая, и во всей ее позе читалось отчаяние. С нашей последней встречи она не сильно похудела — чем-то ее все-таки должны были кормить, чтобы не довести до могилы, — но все равно вы-

глядела бледнее и тоньше. Лицо ее было хрупким, будто эльфийским, под глазами лежали тени. Я закусила губу: вдруг у нее уже не осталось сил, необходимых для побега?

— Ну, мисс Сесилия, — ласково сказала горничная, — порой приходится искать хорошее в том, что позднее приведет к лучшему. Подумайте, какой вы будете хорошенькой, вся в цветках апельсина и листьях мирта, в прелестных ленточках в рубчик — вы видели, какие милые бантики леди Акилла подготовила для вашего букета?

Дженкинс подняла с пола большую коробку, которая стояла у двери, поставила на стул в противоположном от Сесилии углу, подняла крышку и склонилась над содержимым. Ее внимание полностью переключилось на коробку.

Я не могла упустить этот шанс.

Достав из кармана бумажный розовый веер, я высунулась из-под платья и приложила его к подбородку, чтобы леди Сесилия узнала меня и поняла мой сигнал.

Если бы только она сюда посмотрела!

Долго мне ждать не пришлось. Ее привлек шорох тяжелой юбки, и она подняла голову. Наши глаза встретились, и я вновь ощутила сильное напряжение и как будто электрический треск. Леди Сесилия выглядела потрясенной до глубины души; ее большие темные глаза еще сильнее округлились.

Я показала на ничего не подозревающую горничную и одними губами проговорила:

— Отошлите ее!

Как Сесилия могла избавиться от служанки, которой было строго наказано не отходить от юной леди ни на шаг, я не знала. Однако она справилась с задачей удивительно легко. Едва я успела снова юркнуть под снежно-белую ткань, как Сесилия соскользнула со стула и с глухим стуком рухнула вниз, растянувшись на полу, как будто в обмороке.

— Мисс Сесилия? — позвала Дженкинс, а потом, вероятно обернувшись, в панике воскликнула: — Мисс Сесилия! Очнитесь, мисс Сесилия! О господи! Мне нужен нашатырь! Врач! Помогите! — И добрая горничная вылетела из комнаты.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

Стоило двери за ней захлопнуться и не успели ее тяжелые шаги стихнуть на лестнице, как я, будто юркая куропатка, тут же выбралась из укрытия и бросилась повернуть ключ в замке.

— Отлично! — прошептала я и с победной улыбкой повернулась к Сесилии.

Которая неподвижно лежала на полу.

Боже, так это была не хитрая уловка?! Она в самом деле потеряла сознание!

А вдруг мне не удастся ее оживить?!

Глава семнадцатая

К счастью, когда я упала на колени рядом с Сесилией, она тихонько вздохнула, моргнула и открыла глаза. Взгляд ее сосредоточился на моем лице, и в нем читались радость и восхищение.

— Энола?! — прошептала пораженная девушка.

Странно, как сильно повлияло на меня то, что она обратилась ко мне по моему настоящему имени. Обуреваемая эмоциями, я застыла, не в силах вымолвить ни слова.

— Энола? — Она протянула ко мне трясущиеся руки. — Снова ты? Неужели такое возможно?!

— Тише, — прошипела я. От ее прикосновений мне хотелось плакать, а сейчас

надо было действовать. Дрожащими пальцами я выцарапала из кармана конфеты, которые всегда носила с собой, сняла с одной из них обертку и протянула Сесилии. Она бросила конфету в рот и приподнялась, хотя, полагаю, больше энергии ей придавал не сахар, а мое присутствие. Я тем временем уже стягивала с нее обувь. — Мы тебя замаскируем, — тихо, но твердо объяснила я, — чтобы ты могла сбежать. Согласна?

— Согласна?! Само собой, моя загадочная подруга!

Сесилия вскочила на ноги и принялась стаскивать с себя злодейскую юбку. У проклятой вещицы, как и у блузки, застежки располагались на спине, что было свойственно одежде благородной леди: ее не получилось ни надеть, ни снять без помощи служанки. Я расстегнула пуговицы, и Сесилия сняла верхний слой своего замысловатого наряда. Он соскользнул на пол, и я поспешила за узелком одежды, который оставила под свадебным платьем. В нем были и грубые кожаные сапожки, которые предназначались для «Пегги».

— Мы сделаем из тебя сиротку, — объяснила я.

— Что ж, я и так почти сирота! — просяв, ответила Сесилия. С улыбкой на лице бедняжка уже не так сильно походила на Алису в Стране чудес. Она с готовностью выхватила у меня коричневые тряпки.

Я тоже спешила скорее развязать узелок и переодеть леди Сесилию, и в итоге получилось так, что мы друг другу только мешали и даже на самые простые действия уходило слишком много времени. К тому же мне надо было еще кое-что ей сказать.

— Помнишь мистера Шерлока Холмса?

— Твоего брата? — весело отозвалась Сесилия.

— Боже! — ахнула я. — Надеюсь, ты об этом никому не рассказала?

— Разумеется, нет. А ты кому-нибудь говорила о моих рисунках углем?

Вопрос был риторическим: она и так знала, что нет.

Поддавив улыбку, я поспешно продолжила:

— Твоя мать наняла мистера Холмса, чтобы тебя спасти. Она сейчас со своей семьей за городом. Он отвезет тебя к ней. Проклятые чулки!

Казалось, у нас ушла целая вечность на то, чтобы нарядить Сесилию в коричневое платье, клетчатый коричневый передник, плотные чулки в черно-белую полоску и уродливые, но крепкие сапожки. Однако на самом деле прошло, вероятно, всего несколько минут, поскольку никто еще не стучался на чердак, когда я убирала ее волосы под белый чепчик. Длинные, густые, блестящие пряди меня не слушались и выскальзывали обратно.

— Ничего не получается, — прошептала я, уже взвинченная до предела; время утекало сквозь пальцы. — Как нам выдать тебя за сиротку с этими чертовски роскошными волосами?

— Отрежь их! — воскликнула леди Сесилия.

— Мы не успеем! — отозвалась я, но все же выхватила из коробки ножнички — небольшие, предназначенные для лент, од-

нако выбирать не приходилось — и начала отстригать светлые локоны.

Почти сразу же на лестнице раздался топот. Сесилия вздрогнула, словно испуганный олененок.

— Не двигайся! — прошипела я.

Она послушалась, но подала голос:

— Энола, спасибо тебе за...

— Тише. Молчи, — прошептала я, поспешно отрезая длинные локоны и рассовывая их по карманам — другого тайника у меня не было.

Кто-то — скорее всего, Дженкинс — покрутил ручку и воскликнул:

— Заперто!

Однако, как это часто бывает, она продолжала тянуть за ручку, словно надеясь таким образом открыть замок.

— Отойдите, — приказала то ли баронесса, то ли виконтесса — они звучали абсолютно одинаково. — Она обвела вас вокруг пальца, глупая вы овца!

Послышался странный шум, как будто незадачливую Дженкинс — не может быть! — столкнули с лестницы. В ту же секунду прогремел свирепый голос:

— Сесилия!

Сесилия не просто вздрогнула, а даже подпрыгнула.

— Тсс, — прошипела я, все еще орудуя ножницами. — Собери передние пряди у лица.

Она послушалась. Ручка тем временем ходила ходуном.

— Сесилия, отвори дверь ипусти нас! — визжала одна из сестер.

— Открой немедленно! — ревела вторая.

Так и продолжалось:

— Сесилия! Неблагодарная девчонка!

— Открывай, а не то будешь сурово наказана!

И так далее.

Впрочем, вскоре они заговорили другим тоном.

— Должен быть запасной ключ, — объявила одна из них. — Дженкинс, иди найди его!

Только не это.

Впрочем, я почти закончила.

— Вот так, — прошептала я, отрезая последние пряди на лбу. — Готово.

На этот раз чепчик сел как влитой. Из Сесилии получилась очаровательная маленькая сиротка, на фут ниже меня, в сапожках не по размеру и чересчур просторной одежде, словно взятой на вырост. Остриженные волосы и челка, которую я только что ей отрезала, изменили Сесилию Алистер до неузнаваемости.

— Великолепно! — добавила я.

Сесилия не улыбнулась мне в ответ. Глаза ее были полны ужаса:

— Что же теперь, Энола? Как...

Действительно, как ей спастись, когда враги стоят прямо за дверью?

— Приведите мужчин, пусть они выбьют дверь! — верещала одна тетушка.

— И поскорее! — вторила ей другая.

— Да, миледи. Да, миледи, — отвечала Дженкинс, сбегая вниз по лестнице. Вскоре ее голос стих.

Сесилия закусила губу, чтобы не расплакаться.

— Доверься мне, — сказала я и подвела ее к белому платью. Содрав чехол, я сняла платье с балки и надела его на себя.

Казалось, глаза Сесилии не могут раскрыться еще шире, однако она распахнула их чуть ли не до размера блюдца, а ее губы сложились буквой «О».

— Это чтобы выиграть время, — шепотом объяснила я. — Держи. — Я вытащила из кармана муслинового платья бумажный розовый веер, на котором на всякий случай заранее нацарапала карандашом следующее:

□ L J ∘ □ L J ∘ ∘ □ V ∘ □ ∘
 □ C > < C J ∘ □ L J V L

— Спрячься за дверь, — сказала я леди Сесилии. — Когда они все войдут, ты выскользнешь на лестницу. Потом беги к воротам, покажи вот это, — я протянула ей веер, — мистеру Холмсу или его другу, который будет ждать тебя там.

На лестнице снова слышались шаги.

— Вот запасной ключ, миледи, — дрожащим голосом выкрикнула горничная.

Мы уже не успевали застегнуть жемчужные пуговицы на спине свадебного платья. Я успела только надеть фату, скрыв

лицо под плотной вуалью, и плюхнуться на стул, на котором до этого сидела Сесилия.

Ключ скользнул в замочную скважину.

Я решила, что они не обратят внимания на мой высокий рост, если я буду сидеть сгорбившись на стуле, облаченная в пышный наряд, и мне удастся избежать подозрений; ноги я спрятала под длинный подол, а руки сложила на коленях, накрутив на пальцы фату.

— Сесилия! — хором взревели обе гарпии, врываясь в комнату. Так же хором, но уже другим тоном они произнесли: — Сесилия?

Через полупрозрачную вуаль молочного цвета невозможно было разглядеть выражения их лиц, но я хотя бы видела, как сестры и сжавшаяся от стыда или страха горничная подошли к стулу и встали передо мной полукругом.

— Она надела платье, — удивленно произнесла одна из дам.

За их размытыми силуэтами я заметила маленькую сиротку, которая на цыпочках спускалась с чердака. Чтобы полностью за-

владеть вниманием Дженкинс и ее хозяек и выиграть больше времени для Сесилии, я принялась раскачиваться взад-вперед, словно безумная.

— Сесилия, прекрати.

— Почему ты сама надела платье? Оно же все помялось. Немедленно встань.

Я изобразила судороги.

— Прекрати этот глупый цирк, Сесилия! Что с тобой не так? Покажи мне свое лицо. — Одна из гарпий наклонилась приподнять мою вуаль.

Разумеется, у нее ничего не вышло — ведь я накрутила ткань на пальцы и теперь крепко ее держала. Интересно, далеко ли уже леди Сесилия? На первый этаж она наверняка спустилась; возможно, даже вышла во двор?

— Сесилия! Отпусти фату! — закричала одна из сестер и попыталась вырвать ткань из моих цепких рук.

— Хватит, Отелия! Ты ее порвешь! Это же лучший тюль в Лондоне!

— Тогда заставь ее поднять фату!

— Сесилия! — Акилла больно сжала мои плечи. — Делай как тебе велено.

Вместо этого я начала так биться в судорогах, что со стороны на меня, должно быть, было жалко смотреть.

— Сесилия!

Обе дамы ахнули и принялись трясти меня за плечи — к моему полному удовлетворению: пусть трясут в свое удовольствие, мне бы только не произнести ни звука, чтобы не выдать свой голос, пока они надо мною измываются. Чем дольше они пытаются добиться от меня ответа, тем больше у Сесилии времени на побег.

Однако не прошло и нескольких минут, как нас прервали.

— Что с ней такое? — проревел мужской голос, несомненно принадлежащий барону.

Отелія и Акилла взвизгнули, возмущенные столь внезапным вторжением мужского пола, и резко развернулись к двери.

— Дагоберт! Брамсуэлл! — пропищала, полагая, Акилла. — Вы что здесь делаете?!

Помилуйте, их там двое?! Я сощурилась и в самом деле разглядела сквозь фату смутные очертания двух здоровяков в парадных костюмах.

— Дженкинс сказала, что надо выбить дверь, — объяснил барон. — Сесилия вас не слушается?

— Мне кажется, она потеряла рассудок!

Благодаря моему страху перед бароном мне стало еще легче изображать сумасшедшую, и я начала еще энергичнее раскачиваться на стуле, при этом даже испуская слабые стоны.

— Сначала она упала в обморок — или притворилась, что упала, — продолжила баронесса, — потом заперла дверь и сама переоделась в наряд для церемонии, а теперь — ты посмотри на нее! Все кивает и кивает, как...

Баронесса Мергансер резко осеклась и после недолгой паузы уверенно произнесла:

— Дженкинс, приведи сюда викария.

— Да, миледи, — пролепетала горничная и унеслась вниз по лестнице.

— Брамзуэлл, иди встань рядом со своей невестой.

— О чем вы, мама? — капризно протянул ее похожий на жабу сын.

НЭНСИ СПРИНГЕР

— Делай как я сказала! Видишь, в каком она состоянии? Уверена, ей станет только хуже: хочешь, чтобы нам пришлось нести ее в часовню на руках? Нет, пусть уж церемония летит ко всем чертям — вы пожени-тесь прямо здесь и сейчас.

Глава восемнадцатая

— Отличная мысль! Ха-ха! — проревел барон.

В эту кошмарную минуту я наконец поняла, почему мне не хотелось прятаться в белом платье невесты. Меня смущало слово «узы» в словосочетании «брачные узы». И сейчас я была узницей. Беспомощной, загнанной в угол...

Глупости, Энола. Ты и одна прекрасно справишься. Подумай.

Все же, несмотря на то что меня сильно напугал этот неожиданный поворот событий, положение мое на самом деле никак не изменилось. Как и до этого, мне необходимо было в определенный момент скинуть платье и убежать быстрее ветра. Пока

мы все ждали викария, я постанывала и попискивала, дергалась и раскачивалась, изо всех сил стараясь сойти за ненормальную, но в действительности на душе у меня было спокойно и я даже предвкушала незабываемую и забавнейшую сцену.

Как и моему брату Шерлоку, мне очень нравились драма и эффектные выходы. Я собиралась играть роль сумасшедшей до самого последнего момента, когда меня попытаются заставить сказать «Да». На вопрос викария я абсолютно трезвым, спокойным голосом отвечу «Совершенно точно нет», а когда все разинут рты от удивления — почему это я так категорично отвергаю очаровательного Брамсуэлла? — изящно и быстро поднимусь со стула, сорву маскировку и выйду из комнаты.

Или, если быть честной, побегу со всех ног.

Без обуви?

Что ж! Колебаться нельзя: пан или пропал. Сесилия наверняка уже спаслась, и все это по крайней мере было не зря. Обо всем этом я рассуждала, не забывая раскачиваться, дергаться, тяжело дышать и иногда

стонать — для большего эффекта. У свадебного платья был модный сейчас высокий воротник, плотный, как сталь, и украшенный бусинами — про себя я назвала его собачьим ошейником, — и он терся о мочки ушей, что было довольно болезненно и сильно меня раздражало. Я шипела от боли и ежилась всякий раз, когда он задевал мои уши, так что, пожалуй, мое представление удалось во многом благодаря этому омерзительному инструменту пыток.

— Очень необычно, — пробормотал викарий, когда Дженкинс привела его на чердак.

— Видите, что с ней?! — воскликнула Акилла.

— Да, конечно, я могу оценить...

— Оцените то, как щедро вас наградят, ха-ха! Ну, приступайте же! — прогремел голос, которой я бы не спутала ни с каким другим.

Кто-то — вероятно, Дженкинс — бросил мне на колени ароматный букет и ловко прицепил несколько бутонов к моей голове, хотя я неустанно ею кивала. Остальные тем временем отодвигали стулья, за-

нимали свои места и выясняли, у кого кольца. Акилла подгоняла их, будто стадо овец, и удивительно скоро викарий начал церемонию.

— Дорогие влюбленные, — монотонно затянул он, — сегодня мы собрались здесь, чтобы связать священными узами брака...

Священными — как бы не так! Продолжая метаться по стулу и изображать судороги, я внимательно прислушивалась к словам викария, дожидаясь момента моего триумфа.

— Если среди присутствующих есть те, кто знает хоть одну вескую причину, по которой жених и невеста не могут вступить в брак, пусть говорят сейчас или...

Обычная условность. Никто и никогда ничего не говорил.

— ...или молчат вечно.

— Могу назвать сразу несколько причин, — прозвучал напыщенный голос в дверном проеме.

Все ахнули от потрясения, и никто не услышал моего испуганного писка.

— Кто вы? — грозно поинтересовался барон у вошедшего.

Что до меня — я уже знала, кто это. Самый худший из вариантов, неприглашенный гость, которого я боялась больше всего на свете, человек, способный легко разрушить мою жизнь и обладающий полной над нею властью...

И он испортил мой «сюрприз».

Удивительно, как сильно разочарование: всего за мгновение оно превратило мой страх в обиду.

— Майкрофт! — выкрикнула я, вскакивая на ноги и срывая фату. — Черт побери, ну почему нельзя...

— Во-первых, хоть это и не самое главное, ваша невеста не та, за кого она себя выдает, — спокойно и все так же напыщенно произнес Майкрофт, как будто не обращая внимания на охи, ахи и восклицания остальных.

— ...оставить меня в покое!

Я гневно понеслась к нему, вскинула руки и набросила брату на голову свою фату.

К сожалению, времени посмеяться над Майкрофтом, облаченным в белое кружево и тюль, сквозь которые проглядывали ци-

линдр и жилет, у меня не было. Уверена — выглядел он восхитительно нелепо. Воспользовавшись минутой замешательства, я протиснулась мимо него, на ходу выбравшись из свадебного платья, и оно белым облаком соскользнуло на пол. Я надеялась, что проклятый Майкрофт о него споткнется. Упадет и что-нибудь себе повредит. А разгневанный барон ударит его кулаком в нос. Должно быть, это Шерлок сказал, где меня искать. Как же я его ненавидела! Их обоих. Не знаю, почему я плакала, сбегая вниз по ступеням.

У меня за спиной раздавались громкие крики:

— За ней!

— Остановите эту негодницу!

— Энола! Подожди! — крикнул Майкрофт командным тоном. Я тихо выругалась в ответ и помчалась дальше по лестнице. Бежать в чулках было очень неудобно, и в какой-то момент я поскользнулась и чуть не ухнула вниз. К счастью, я успела схватиться за перила и удержать равновесие. В эту же минуту мне пришла блестящая мысль съехать вниз по этим чу-

десным, крепким, отполированным деревянным перилам. Так я и поступила: пролетела мимо третьего этажа и изумленных и восхищенных лиц сироток, мимо второго — и наконец спустилась на первый. Судя по топоту на лестнице, за мной была погоня; но комнаты сироток и матрон располагались выше, поэтому здесь никто не путался под ногами, и я беспрепятственно промчалась по коридору, по пути захватив с крючка пальто и капор, и буквально вылетела на улицу.

Чуть замедлив шаг, я поспешила по двору, вытирая со щек слезы и одновременно набрасывая на плечи простенькое синее пальто. Взлохмаченную шевелюру я спрятала под таким же простеньким старомодным капором темно-синего цвета. Наверное, одна из матрон надевала его по воскресеньям.

Дряхлый и сутулый сторож в костюме из коричневого поплина¹, сидящий в кабинке у ворот, дремал, опустив подборо-

---

¹ Поплин — плотная шелковая ткань в мелкий рубчик.

док на грудь. Когда я прошла совсем рядом с ним, он вздрогнул и проснулся. Старик окинул меня сонным взглядом, вероятно гадая, кто я такая и откуда взялась. Он уже открыл рот, чтобы задать мне этот вопрос, но я его опередила и самым холодным аристократичным тоном, как будто я была одной из важных персон или покровителей приюта, произнесла:

— Тоувидл, вы опять уснули на работе! Позор! Откройте ворота.

Бедняга поспешил выполнить приказание.

— Здесь проходил высокий прихрамывающий джентльмен? — требовательно спросила я.

Он кивнул, покачнулся и дернул себя за прядь волос на лбу:

— Да, э-э... — Он явно не знал, как ко мне обратиться — «мэм» или «миледи».

— Вместе с девочкой?

— Вы про малютку с розовым веером? Да, э-э...

— Спасибо, Тоувидл, это все.

Да. Все. Все закончилось. Все будет в порядке.

* * *

Если точнее — все будет в порядке с Сесилией Алистер. Волосы отрастут, она сама повзрослеет и физически, и духовно и найдет свое место в мире; но главное — воссоединится с любящей матерью.

Ах, как хорошо, когда у тебя такая мать!

Когда я выходила за территорию приюта, меня уже не волновало, увидит ли почтенный сторож мои босые ноги. Теперь это не имело значения. Я быстро поймала наемный экипаж, доехала на нем до метро, а на метро — до Ист-Энда, где наконец добралась до пансиона, предвкушая заслуженный отдых. Или, если честно, полное бездействие на почве изнеможения.

За дверью меня ждала миссис Таппер, чего я совершенно не ожидала. Она взглянула на меня и тут же заблела:

— Мисс Месхол! Чегой-то с вами стряслось?

Вопрос был риторическим, поскольку ее глухота, к счастью, избавляла меня от необходимости отвечать, и я махнула рукой, показывая, что это не важно. Однако моя

милая хозяйка не удовлетворилась таким «ответом» и подогнала меня к камину, где заставила сесть, а потом принесла тазик теплой воды, чтобы я погрела в ней истерзанные ноги, и миску сытного, хотя вряд ли полезного супа из печени и ячменя. При этом она с искренним сочувствием приговаривала:

— Уж не знаю, моя хорошая, как ты вляпываешься в такие вот дела, да и не мое это дело, помилуй хосподи, дай только я расчешу бедные твои волосья, а для нох твоих несчастных бальзам нужен и вата, небось отдала обувь какой-нибудь нищей девчушке, нет бы лучше о себе заботиться, но сердце у тебя самое золотое во всем хороде, тут ничего не скажешь, ну как же ты так умудрилась вся расцарапаться и синяков набить, да и платье разорвать, не пойму, ешь-ка суп давай, и вот еще хлебный пудинх, горюшко ты мое, изголодалась вся, ну што же мне с тобою делать?

Впрочем, она прекрасно знала, что со мной делать, и когда я наконец смогла ее поблагодарить, лежа в теплой кровати, и она вышла из комнаты, затворив за собой дверь, и на лестнице послышались ее

скрипучие шаги и заунывный голос, я была уже накормлена, вымыта, переодета и подлечена, и мои воспаленные ноги, как и мое воспаленное сердце, начинали чувствовать себя немного лучше.

Видите ли, я считала, что Шерлок меня предал, выдав мое местонахождение Майкрофту, но все же обида моя была глупой и детской, и теперь, размышляя об этом перед сном, я понимала, что Шерлок, по его мнению, всего лишь исполнял свой долг и что он ничего мне не обещал. В нашей семейной игре в прятки он не мухлевал.

Братья! Майкрофт тоже поступал вполне ожидаемо, хоть меня это и раздражало. Не его вина, что он такой, как и не вина мамы...

О мама!

Сегодня миссис Таппер позаботилась обо мне, словно я была ее дочерью, — но где моя родная мать? Мое стихотворение:

Нарцисс цвел в воде,
Хризантема — в стекле.
Лиана так и не нашла,
Что Ирис привнесла,—

пока не получило ответа. Разумеется, ожидать его было еще рано. Может, в сегодняшнем выпуске «Пэлл-Мэлл газетт»?.. Я закрыла глаза и пообещала себе проверить газету после того, как выплюсь.

Впрочем, даже если ответ придет, какой в нем будет прок? Не помню, чтобы мама хоть раз ласкала меня, мыла, бинтовала, кормила, расчесывала мне волосы...

Я открыла глаза и уставилась в пустой потолок. Злодейские слезы потекли по вискам.

Что ж. Уснуть у меня не получится. Я со вздохом вытерла слезы, встала с кровати, взяла писчую бумагу и карандаш, положила себе на колени дощечку для письма и принялась рисовать.

Первым делом я нарисовала сиротку, потому что сама чувствовала себя сиротой. Потом леди Сесилию в костюме сиротки, поскольку она, лишенная отцовской любви, разделяла мои чувства. Выводя черты ее нежного лица и яркие глаза, я задумалась над тем, как много у нас с нею общего, и как я думала, что больше никогда ее не встречу, и как ошибалась. Возможно,

через несколько лет, когда мы вырастем, мы сможем видеться чаще и даже иногда рисовать вместе?

Шерлок непременно проследит за тем, чтобы она вернулась к своей любящей матери. Мысль о брате побудила меня нарисовать на него карикатуру. Я посмотрела на высокий карандашный силуэт и ощутила, как мое пустое сердце наполняется теплом.

Очередь Майкрофта. Я поспешно набросала своего упитанного брата с выпирающим из жилета животом и в наброшенной белой фате. Этот рисунок вызвал у меня улыбку.

Чтобы еще больше себя порадовать, я изобразила красивую юную леди с убранными в элегантную прическу каштановыми волосами и нацепленной на них модной шляпкой: один из моих образов — в синем платье для прогулок и дорогом парике, с завуалированным пудрой и румянами и кремами лицом и с хорошеньким зонтиком. Красавица, ничего не скажешь — но это не единственная моя маскировка. Я нарисовала себя в костюме сборщицы мусора, затем в обличье Лианы Месхол с ее

дешевыми побрякушками и накладными кудрями, а потом неуклюжей оборванкой Пегги в мятой шляпе-котелке...

Так могло продолжаться бесконечно. Надо было нарисовать мамин портрет.

Я взяла чистый лист писчей бумаги и принялась водить по нему карандашом, но вскоре поняла, что нет — ничего не выйдет. Я не могу вспомнить ее черты.

Вместо этого я неуверенной рукой набросала овал головы и заполнила его:

Юными, но мудрыми глазами с уверенным взглядом.

Прямым носом.

Крепким подбородком.

Изогнутыми губами. Улыбкой Моны Лизы.

Получилось угловатое лицо, похожее на лицо моего брата Шерлока, но... по сути мое собственное?

Я разинула рот. Неужели это правда я? Энола?

Мне никогда не удавалось изобразить себя на бумаге. Почему же сейчас я смогла?

Взгляд моей карандашной копии требовал ответа.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА

И тогда я признала — пускай только себе — правду. Дело в том, что я поняла, почему Мона Лиза так причудливо улыбается. Очевидно, ее мать была похожа на мою. А еще я поняла, почему не хочу искать маму. Пока что. Может, никогда. Я ничего не предприму, пока — или если — не узнаю наверняка, что она сама хочет меня видеть.

Так или иначе, встретимся мы с ней когда-нибудь или нет, я все равно останусь собой — Энолой.

Май 1889

Через несколько дней после возвращения на работу в контору «доктора Рагостина» Лиана Месхол тщательно выведет приятное письмо клиенту ученого искателя, генералу:

Уважаемый сэр,

Касательно Вашего пропавшего военного трофея, а именно – кости (одна шт.) от ампутированной ноги с подписью хирурга, проводившего операцию: доктор Рагостин спешит Вам сообщить, что успешно изъяс кость у некоего Пэдди Мерфи, кебмена, который, по его словам, получил вышеуказанный трофей от младшей горничной, отвечающей за спальни, к которой, по его собственному признанию, мистер Мерфи испытывает

романтический интерес; целью его было продемонстрировать кость своим любопытным приятелям за ничтожную плату. Если Вы пожелаете привлечь вышеупомянутог о Пэдди Мерфи к ответу, мы немедленно отправим констебля в конюшню на Серпентин-роуд для проведения ареста. Ваша кость тем временем находится в надежных руках доктора Рагостина, и Вы можете послать за нею, когда Вам будет удобно, не забыв внести заранее оговоренную оплату. Для доктора Рагостина было большим удовольствием оказать Вам сильную помощь.

Искренне Ваш,

Лесли Т. Рагостин, профессор, записано
под диктовку мисс Лианой Месхол

— Дорогой мой Майкрофт! — Великий детектив Шерлок Холмс искренне удивился, встретив своего брата у двери дома 221б по Бейкер-стрит; Майкрофт редко сходил с привычной орбиты своего кабинета в правительстве, съемных комнат и клуба «Диоген». — Прошу, заходи, выпей бокал шерри и выкури сигару... Нет? Каким же срочным ветром тебя ко мне занесло?

— О, то был не ветер, а всего лишь досадная засуха на землях моего удобства, — проворчал Майкрофт, тяжело опускаясь в самое уютное кресло.

— Я могу чем-то помочь?

— Сомневаюсь, учитывая то, как глупо ты поступил, позволив ей уйти.

— А-а, — протянул Шерлок и зачерпнул немного табака для трубки из довольно эксцентричного хранилища: турецкой туфли. — Ты про нашу сестру. Неужели до конца жизни будешь попрекать меня тем случаем с «ха-ха»?

— Только если ты будешь напоминать мне о случае с фатой. К слову, какие новости о Сесилии Алистер?

— Самые добрые: девушка вернулась под защиту матери, в родовое поместье за городом. Насколько я понимаю, леди Теодора намерена отправиться с дочерью в Вену, чтобы обсудить с лучшими психологами любопытное состояние леди Сесилии — ее, скажем так, схожесть с доктором Джекиллом и мистером Хайдом.

— А. Так они полагают, что у нее раздвоение личности?

— Возможно. — Шерлок, стоя у камина, набивал свою любимую пеньковую трубку, изредка просыпая немного табака на ковер.

— Что ж, принуждение к браку не лучшее лекарство от подобной болезни. Она чудом избежала этой участи.

— Не сказал бы. — Шерлок зажег трубку спичкой, поскольку в это время года огонь в камине не горел, и пыхнул ею, чтобы вытянуть пламя в табак. — У нас с Энолой все было под контролем, а тебя это дело никак не касалось: разве я не просил тебя не вмешиваться?

— Дорогой мой Шерлок, сколько раз тебе повторять? Защищать Энолу — мой долг. Разве тебя не приводит в ужас мысль о том, что наша младшая сестра могла оказаться одна против виконта Инглторпа, барона Мергансера и, что звучит не менее устрашающе, их властных жен? Я не мог не броситься ей на помощь.

— Сомневаюсь, что Энола сочла твое вмешательство за «помощь». — Курение не успокоило Шерлока; он принялся мерить шагами комнату, быстро пересекая ее своими длинными ногами.

— Не важно, что она подумала, — отрезал Майкрофт. — Кто спасет девчонку от нее самой, если не мы — ее братья? Я хотел помочь ей в тот день в Уизерспунском приюте — хочу помочь ей и сейчас.

— Сейчас?! — встрепыхнулся Шерлок и с беспокойством покосился на брата. — Во что она ввязалась на этот раз?

— Не могу знать, милый брат. Мне не приходят от нее новости. Я об этом. — Майкрофт извлек из кармана жилета газетную вырезку и протянул Шерлоку.

— А-а, — понимающе протянул Шерлок и сразу вернул ее обратно, поскольку уже читал эту заметку в «Пэлл-Мэлл газетт»:

Нарцисс цвел в воде,
Хризантема — в стекле.
Лиана так и не нашла,
Что Ирис принесла.

Майкрофт посмотрел на брата из-под кустистых, словно запущенная живая изгородь, бровей:

— Что было спрятано за зеркалом, Шерлок?

— Ничего, кроме значительной суммы денег, которую я положил в банк на ее имя — на случай если они ей потребуются. Почему тебя это интересует?

Майкрофт ответил вопросом на вопрос:

— Думаешь, она поместила объявление в газете, потому что нуждается в деньгах?

— Сомневаюсь. Судя по всему, она щедро оплачивает услуги кебменов, когда берет наемные экипажи для своих «приключений». А что касается тайника за зеркалом — полагаю, это всего лишь любопытство.

— Но откуда такое сильное любопытство?

— Что в этом странного? Любопытство идет рука об руку с интеллектом, а интеллект в нашей семье не редкость.

— Интеллект в женщине? Чуть! Это все глупости, Шерлок: наша сестра отправила матери очередное цветочное послание по зову сердца, а не из любопытства. Знаешь, что она надеется получить в ответ?

Великий детектив хмуро посмотрел на брата и промолчал.

Впрочем, Майкрофт и не дал ему времени высказаться. Он тут же продолжил:

— Я знаю, что нужно Эноле, и предлагаю ей это предоставить.

— Боюсь, я не успеваю за твоей мыслью.

— Шерлок, помилуй, это же очевидно. Девочка предана бросившей ее матери и жаждет подтверждения нежных материнских чувств. Она надеется, что именно это ты нашел за стеклом: письмо от мамочки со словами любви. А я предлагаю написать для нее такое письмо.

Шерлок Холмс несколько секунд молча смотрел на брата, и из его трубки медленно поднимался дымок. Наконец он ответил — не вопросом, а утверждением:

— То есть заманить ее в ловушку.

— Это необходимо, Шерлок, чтобы вернуть ее в цивилизованное общество, обеспечить ей должное образование, позаботиться о будущем...

— Я понимаю твои стремления, дорогой Майкрофт, однако сомневаюсь, что такой обман поможет нам завое-

вать расположение Энолы. Я не буду ей лгать.

— Шерлок! Значит, ты мне не поможешь?! — с удивлением и возмущением воскликнул Майкрофт, резко поднимаясь на ноги в ту же секунду, когда Шерлок неторопливо опускался в кресло.

— Совершенно верно, — кивнул Шерлок Холмс и потянулся к своему письменному столу, чтобы взять с него сложенный вчетверо листок писчей бумаги. — Более того, я упредил твою просьбу. В завтрашней газете ты увидишь мой ответ. Вот копия, которую я себе оставил.

Он бросил бумажку через комнату брату, и Майкрофт ловко ее поймал. Развернув листок, он прочитал:

Э.Х.: Ирис был денежным и теперь посажен в Шропширском королевском банке на твоё имя. Сожалею, если мой ответ не был удовлетворительным. Наша общая подруга С.А. от души благодарит тебя за любезно оказанную помощь, и я присоединяюсь к её благодарностям. С искренним уважением, Ш.Х.

Майкрофт Холмс внимательно изучил написанное и посмотрел на брата с непроницаемым выражением лица.

— Так, — холодно произнес он, — вот, значит, какова твоя позиция.

— Именно, и я ее не изменю, — мягко ответил Шерлок.

Оглавление

Глава первая	13
Глава вторая	31
Глава третья	44
Глава четвертая	59
Глава пятая	70
Глава шестая	79
Глава седьмая	90
Глава восьмая	105
Глава девятая	115
Глава десятая	126

Нэнси Спрингер

Глава одиннадцатая	136
Глава двенадцатая	144
Глава тринадцатая	155
Глава четырнадцатая	168
Глава пятнадцатая	184
Глава шестнадцатая	202
Глава семнадцатая	216
Глава восемнадцатая	229

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

Спрингер Нэнси
ЭНОЛА ХОЛМС
И ЗАГАДКА РОЗОВОГО ВЕЕРА
(орыс тілінде)

Руководитель направления *Т. Суворова*
Ответственный редактор *И. Юкио*
Литературный редактор *Е. Остроумова*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Никитина*
Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Өндірілген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления/Подписано в печать 24.04.2019. Формат 84x108/32.

Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 5000 экз. Заказ О-1163.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

12+

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7(495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: naprava.knig@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-белыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Люберецкий р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/п 5. Тел.:/факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Дар Культуры и Чтение БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Новосий Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Новом Новгороде. Адрес: 603094,
г. Новий Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Глаз».

Телефон: +7 (831) 218-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmo-nn.ru

Санкт-Петербург. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге. Адрес: 192029,

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,

д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: sales@td-eksmo.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

E-mail: reception.eksmo@td-eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара.

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@td-eksmo.ru

Центр оптово-розничных продаж Sash&Sany в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mgr@td-eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирск. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровск. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.

Центр оптово-розничных продаж Sash&Sany в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Альбишевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98. E-mail: eksmo-tyumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Sash&Sany в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Сн энд Сн». Центр оптово-розничных продаж

Sash&Sany в г. Минск. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,

пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmoast@yandex.by

Казань. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Димырова, д. 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-59-90 (81,82). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных

магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Закон в России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-69-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-100333-3

9 785041 003333 >

